

МОСТ

Петербургский литературный альманах
18/2009

*Из всего, что воздвигает и строит человек, повинуюсь
жизненному инстинкту, на мой взгляд, нет ничего лучше и ценнее
мостов.*

Иво Адрич. Человеку и Человечеству, <http://www.am-bridge.net>

Петербургский литературный альманах
«МОСТ», # 18/2009

ISSN 1991-7023 (Print)
ISSN 1991-7031 (Online)

Издательство «Век искусства»

Главный редактор
Диана Доронина lado_d@mail.ru

Корректоры
Олег Репин, Диана Доронина

Автор рубрики «Угол зрения»
Лада Григорьева ludabashko@gmail.com

Вёрстка – Диана Доронина

Почтовые рассылки – Надежда Глотова

Наш сайт: <http://artage7.4sqi.net>
Для писем: e-vi@list.ru, lado_d@mail.ru
Тел.: +7905-255-29-11, +7921-388-79-25

Редакция благодарит участников этого тома, а также всех, кто предоставил иллюстрации для него: Юлию Жданову и Ирину Клинкову.

Фото для обложки: Диана Доронина
«Гатчинский парк, лето 2008 года».

Тираж: 250 экземпляров.

При использовании текстов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за рекламные материалы несёт рекламодатель.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

© Авторы текста

© Авторы иллюстраций

© 2009, составление: «Век искусства»

Дорогие друзья, авторы и читатели альманаха «МОСТ»!

Мы всё ближе приближаемся к нашему маленькому юбилею. В августе 2009 года альманаху исполняется три года. 18-й том – последний перед началом нового витка жизни!

Мы от всей души благодарим Вас за поддержку и доверие, оказанные «МОСТУ», за совместное его строительство.

Когда мы отдавали этот номер в печать, уже начал формироваться юбилейный 19-й том. Мы планируем провести небольшое праздничное мероприятие после его выхода из печати в Санкт-Петербурге или в с.Константиново Рязанской области. Приглашаем всех и ждём Ваши предложения и пожеланий!

Сообщаем также, что завершается работа над сборником с рабочим названием «ВОСТОК». Это ещё одна радостная весть этого лета! Сборник будет презентован в Петербурге, заказы на него уже принимаются. Если успеете, то до середины августа сможете ещё войти в число авторов этого интересного проекта.

Тёплых дней и ночей всем, творческих побед и вдохновения!

Диана Доронина

НАШИ НОВОСТИ

Российский Фонд Культуры и Совет по детской книге России объявляют Международный конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков

Конкурс проводится среди писателей Российской Федерации и писателей российской диаспоры, пишущих на русском языке, в странах СНГ и дальнего зарубежья.

Срок предоставления рукописей: с 1 сентября 2009 года по 1 февраля 2010 года.

Девиз конкурса: «...Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое» (С. Михалков).

В жюри конкурса – известные писатели, издатели, руководители библиотек, критики, общественные деятели, учителя, представители Правительства Москвы и Администрации Президента РФ. Почётный Председатель жюри конкурса – Президент Совета по детской книге России, писатель, драматург, общественный деятель С.В. Михалков.

Церемония награждения лауреатов и дипломантов конкурса пройдёт 2 апреля 2010 года в Международный День детской книги.

На конкурс принимаются рукописи произведений для детей, написанные на русском языке, в прозе или стихах, нигде ранее не публиковавшиеся, объёмом от 3 до 10 авторских листов с авторской аннотацией не более 15 строк.

Необходимо предоставить 2 печатных экземпляра рукописей + 2 электронные версии на любом носителе.

Внимание! Работы, направленные на электронный адрес, не будут допущены к конкурсу.

Победители конкурса награждаются дипломами и денежными премиями (1 премия – 100 000 руб.; 2 премия – 70 000 руб.; 3 премия – 50 000 руб.).

Работы присылать по адресу: 121069, Москва, Трубниковский переулок, д.28, Российский Фонд Культуры, Совет по детской книге России. «На конкурс Сергея Михалкова».

Телефон: +7 (495) 739-20-65, доб. 120. Факс: +7 (495) 690-05-73.

Электронная почта: [sdk@culture.ru](mailto: sdk@culture.ru)

Источники: <http://www.rbby.ru>,
<http://vsekonkursy.ru/>,
<http://professional.ru/Topic/2715692>.

Остались резервные номера 52-го тома журнала «Край городов»!

Этот номер необычный. Примерно половина текстов от наших постоянных авторов. Приятно видеть, как увеличивается литературное мастерство, и главное – ИНТЕРЕСНОСТЬ материала. Впервые рубрика «Литературные реконструкции», в которой два исследования: о литературных (мифологических) источниках сознания Сталина (автор искусствовед из Владивостока Г. Лыков) и о Полтавской битве (автор московский историк Н. Келин). Продолжение серии публикаций Ю. Соколова об Африке. Его новая детективная повесть. Мемуары наших современников. Сатирические тексты. Репортаж А. Егизбековой с вечеринки арабских женщин. Номер увеличенного объёма: 180 страниц вместо обычных 100. Заказываем журналы в редакции:

[artage7@gmail.com](mailto: artage7@gmail.com),
[e-vi@list.ru](mailto: e-vi@list.ru).

Ольга Алтухова

Москва. 15 лет. ГОУ ДЮЦ «Пресня», объединение «Журналистика и риторика»
(педагог – Анна Владленовна Ямпольская, gabriella64@mail.ru).

* * *

Ждала капельных, неслучайных
Дождей, которые ясны.
Но в городах их не встречали
С весны.

Ждала усталых и молчащих
Дождей, которые – как сон.
Но был для них неподходящий
Сезон.

Ждала высоких и прохладных
Дождей, которые – как суть.
Ночных, дворовых, ароматных –
Каких-нибудь!

А этот был нелепым, разным,
Как будто мысли в сентябре,
К асфальту прижимался в грязном
Дворе.

Сбивался и стучался в двери,
Он был везде, он был нигде.
Наверно, я себя узнала.
В дожде.

Лето 2007, Суздаль

* * *

Холодно было и так светло –
Я не могла себя разглядеть.
Солнце стучало в моё стекло,
Редких прохожих ловило в сеть.

Солнце пыталось найти меня.
А я в окно, от ветра дрожа,
Бросала слова, и они, звеня,
Летели с десятого этажа.

А небо пустело синей, сильней.
И съёжились где-то внизу кусты.
И даже потерянности моей
Хватило света до черноты.

Лето 2007, Суздаль

* * *

А словом... постой, так о чём я, о чём?..
Ведь ты, как и я, навсегда обречён
На эту гудящую зелень,
Где ветер, как вздох, – беспределен,
Где странно и близко, где рядом и вдруг,
Какое сиянье! И небо! И звук!
Где к тёплой берёзе усталым плечом
Прижаться...
А словом... о чём я, о чём?

Ноябрь 2008

Ольга Алтухова – номинантка конкурса детской литературы «ПЕГАСИК-2009». Её стихотворения публикуются в рамках акции «МОСТ в будущее» при поддержке Натальи Фёдоровой. Стихотворение «Ждала капельных, неслучайных...» опубликовано в 16-м томе альманаха «МОСТ», а также на диске-приложении к 17-му тому. Рецензию на стихотворения Ольги Алтуховой читайте в этом томе в специальной рубрике.

АКЦИЯ «МОСТ В БУДУЩЕЕ»

!!! ПОДДЕРЖИМ ТАЛАНТЛИВЫХ ДЕТЕЙ !!!

Конкурс «ПЕГАСИК-2009» завершён. К сожалению, в масштабах конкурса невозможно поощрить всех талантливых детей. Искренне жаль расставаться с его юными участниками. Поэтому альманах «МОСТ» будет продолжать акцию помощи талантливым детям.

Мы предлагаем Вам присоединиться к нашему благотворительному проекту. Взрослые: судьи, авторы, читатели – все, кому небезразлично наше будущее, – Вы можете самостоятельно выбрать «своего» ребёнка среди участников конкурса «ПЕГАСИК-2009». Если тексты показались Вам наиболее перспективными, Вы можете взять над ним шефство, которое выразится и в дружеской помощи и советах, совместном творчестве, и в периодическом финансировании публикаций произведений своего маленького друга.

К акции уже присоединились: Елена Виноградова, Лада Григорьева, Диана Доронина, Наталия Фёдорова, Елена Яковенко.

В 17-м томе «МОСТА» опубликованы работы: Светланы Соловьёвой, Дины Шамба, Евгении Яковенко.

В 18-м томе – Ольги Алтуховой, Никиты Печень.

По всем вопросам обращаться в редакцию альманаха «МОСТ»: lado_d@mail.ru.

Вся текущая информация о конкурсе «ПЕГАСИК»:
<http://artage7.4sql.net> – новый адрес сайта литературно-музыкального клуба «Век искусства», старый <http://e-vi.org> скоро закроется;
<http://www.stihi.ru/avtor/verika> («Стихи.ру»);
<http://www.proza.ru/avtor/dianalucifer> («Проза.ру»).

Ирина Клинкова

Краснодар

Барашек хотел съесть луну...

Барашек хотел съесть луну. Но луна висела высоко, и барашку никак не удавалось до неё добраться.

– Почему ты хочешь её съесть? – спрашивали барашка.

– Она наверняка вкусная! Вы только подумайте: вот полнолуние идёт

всего три дня, а потом луна всё меньше и меньше становится. Как думаете, почему? А потому, что кто-то по кусочку, по дольке её ест! Потом луна заканчивается и совсем исчезает. А потом начинает появляться по дольке, она так созревает. К полнолунию она снова созреет, и её будут есть! Я тоже хочу...

Не один месяц барашек хотел съесть луну. Уже и траву жевать перестал, днём спал, а ночью смотрел на луну. Особенно расстроенным он становился тогда, когда после полнолуния кто-то таинственный принимался есть луну. И с барашком не делился совсем.

«Что же мне делать?» – думал барашек.

И решил, что если луну можно достать, то только с вершины самой высокой горы. Долго шёл он к горам, что были видны на горизонте. Думал, кто же ест луну.

Однажды пришлось ему заночевать в горной деревне. Хозяин выслушал барашка и усадил за стол.

– Ты совсем исхудал. На, поешь.

– Я не хочу ничего есть. Я хочу есть только луну!

Хозяин задумался.

– Если ты не будешь ничего есть, то до луны не доберёшься, – сказал он. – Давай ты сейчас поешь, а когда доберёшься до луны, будешь есть только её?

Барашек согласился.

Хозяин дал ему ароматного горячего хлеба, вкусного сыра, свежих овощей и чистой родниковой воды.

Сначала барашек ел с неохотой. Но потом всё больше стала нравиться ему еда, такая разнообразная и вкусная. Он наелся и лёг спать.

Утром хозяин сказал барашку:

– Собирайся в путь. Вот там ты увидишь самую высокую вершину, на ней никто не живёт, ничего не растёт, но там ты наверняка достанешь луну.

Барашек посмотрел, куда указал ему хозяин, подумал и сказал:

– А можно я останусь у вас? Луна далеко, и я даже не знаю, вкусная ли она. А вот ваши хлеб, сыр и вода такие вкусные! А взамен я могу давать вам шерсть.

Рис. Юлии Ждановой

Так и остался барашек жить в горах. А кто-то продолжал каждый месяц есть луну в небе и, возможно, завидовать барашку.

Барашек и облако

Барашек родился высоко в горах и всё детство провёл на зелёных альпийских лугах.

Они познакомились с облачком, когда барашек был ещё маленьким ягнёнком. Однажды утром на лугу, где паслось стадо, барашек заметил пушистый белый комочек. Барашек был любопытным и, не задумываясь, направился исследовать пушистого гостя. Но, как ни смотрел, как ни ходил кругами, не смог увидеть ни мордочки, ни ножек.

– Почему ты так внимательно на меня смотришь? – услышал барашек тихий, как бы прозрачный голос.

– Я? – растерялся барашек. – Я просто хотел познакомиться.

– Тогда давай познакомимся. Я – облако.

– А я – ягнёнок.

Так они и познакомились. Они гуляли по горным тропинкам, играли и разговаривали обо всём на свете. Барашку нравилось то, как облако могло кружиться высоко в небе, а облаку нравилось то, что у барашка была тёплая мордочка...

Когда пришла первая осень в жизни барашка, поднялись сильные ветра. Облачко, казалось, чувствовало близкую разлуку.

– Я вернусь, – сказала оно, когда ветер подхватил его. – Я обязательно вернусь...

Облачко понеслось по небу, а барашек остался.

Он грустил. Когда он потом вспоминал это время, он всегда думал, что надо было только подпрыгнуть, и ветер унёс бы его вслед за облачком.

Но жизнь не стоит на месте, барашек вырос и решил уехать из родных гор в город. Там он учился, работал и много скучал. Время шло, но облачко не возвращалось.

«Наверное, я просто всё это придумал, когда был маленький», – успокаивал себя барашек. И не верил себе.

Много прошло лет, барашек стал совсем старым. Прожив жизнь в трудах, он накопил денег и решил скоротать последние дни свои в родных горах, купив домик на краю обрыва на альпийских лугах.

Дни его текли мирно, солнце было тёплым, ветер нежным, а крепкие стены могли спасти от холодных дождей.

«Кажется, всё... – подумал однажды барашек. – Я чувствую, что пришло моё время».

Тогда он открыл все окна и двери в доме и лёг на постель.

Барашек заснул.

Он думал, что уже не проснётся.

Он открыл глаза и почувствовал рядом что-то мягкое и очень знакомое.

– Привет, – сказала облако, – я вернулось.

Барашек удивился, хотел встать с постели, но, к своему удивлению, легко взлетел к потолку.

– Я тоже облако? – удивился он.

– Да, – ответило облако, – и теперь мы будем путешествовать вместе. Полетели! В мире столько всего, что я хочу показать тебе!

И два облачка легко выпорхнули в окно.

Барашку было очень скучно...

Барашку было скучно. Он был ещё совсем маленький, взрослые всегда были очень заняты, и он скучал.

Тогда он решил придумать себе развлечение. Где-то в сарае он нашёл банку краски и очень этому обрадовался. Краска была красная, яркая и очень сильно пахла.

– Вот покрашу всю траву, и будет она ярко-красной, а не скучной и зелёной.

И покрасил всю траву в ложбинке между холмами.

Тут на вершине холма появилась маленькая овечка. Она спешила куда-то, споткнулась и покатила по крашеной траве.

Что случилось с её шерстью! Она была вся измазана...

– Что же мне делать? – заплакала овечка.

– А так даже лучше! Раньше скучно было, – ответил барашек.

Он был маленький и не знал, что плохо так говорить.

Овечке пришлось подстричься. Она была теперь не такой кудрявой, как её ровесницы.

Но вскоре она с родителями переехала в город, и барашек совсем забыл о своей глупой выходке.

Шли годы. И вот вырос барашек. Со временем он тоже переехал в город, и вот однажды встретил чудную овечку! Она была беленькой, кудрявой и очень симпатичной. Барашек решил во что бы то ни стало с ней познакомиться. Но она почему-то говорила с ним холодно и неприветливо.

Тогда барашек стал дарить ей цветы, писать письма, и вскоре она стала даже иногда ходить с ним пить кофе в кафе.

Но всё-таки она не отвечала на его ухаживания так, как хотелось бы барашку. И он однажды спросил:

– Что же тебе во мне не нравится?

Тогда овечка посмотрела на него и сказала:

– Если ты сделаешь то, что я скажу, я согласна с тобой встречаться.

– Всё, что угодно! – опрометчиво сказал барашек.

– Тогда вылей себе на голову банку красной краски! А то ты скучный очень, – серьёзно сказала овечка.

Барашек удивился! Что-то знакомое было в этих словах. Он присмотрелся и понял: это была та самая овечка, которая так пострадала из-за его глупой выходки.

Барашек молча направился куда-то, а овечка бросила ему вслед:

– Куда ты?

– За краской, – ответил барашек.

– Ты, правда, это сделаешь? – удивилась овечка.

– Да, но только потому, что мне действительно стыдно.

– Тогда не надо, – улыбнулась овечка. – Ты мне и скучным нравишься.

И больше они не расставались.

Великая Белая Сова

Когда-то жила на Дальнем Севере Великая Белая Сова. Перья её были белее снега, а глаза были яркими, как золото. Взмах крыла её мог вызвать бурю. Многие гадали, откуда прилетела Сова, ведь не была она похожа на других птиц. Сразу было видно, что глаза её похожи на человеческие.

И только старейшины северных птичьих племён знали, что спустилась Сова с Луны ещё в те времена, когда не было на севере ни птиц, ни зверей. Произошло это, по преданию, в самое первое полнолуние. Перья Совы белые

потому, что сделаны из лунного света, а глаза золотые потому, что с Луны Сова глядела на Солнце, и глаза вобрали золотой солнечный свет.

Но никто не знал, что с тех пор Солнце невзлюбило Сову. Оно хотело испепелить её своим огнём и забрать обратно золото из глаз Совы.

Вот Сова и спустилась на Землю, чтобы спрятаться от Солнца. Днём она ложилась на снег и спала до наступления темноты, а ночью любовалась Лунной.

Но Солнце как-то узнало о том, что Сова спряталась от него на Земле. И тогда Солнце выкатило Луну на небо днём и спряталось за ней, желая обмануть Сову.

Так произошло первое затмение Солнца.

И Сова, обманутая, проснулась. Солнце вышло из-за Луны и стало припекать. Сова уже не могла спрятаться на снегу и решила поднять великую бурю своими крыльями. Стала махать ими Сова, и поднялся ветер. Полетел пух из перьев и всё небо закрыл. Так что Солнце не могло Сову разглядеть.

Однако знала Сова, что вечно за бурей прятаться не сможет, и решила обмануть Солнце. Рассыпалась Большая Белая Сова стаями белых сов, как две капли воды похожих на неё, только маленьких. Солнце решило, что справились с Совой и не искало её больше. А Дети Великой Белой Совы до сих пор живут на севере.

Звёздный дельфин

Небо было очень высоко над морем.

Вы видели дельфинов, что выпрыгивают из моря и вновь ныряют обратно? Просто они хотят вернуться к небу.

На самом деле дельфины раньше не жили в земных морях. Их предки были звёздными странниками. Они плавали меж звёзд и планет.

Но однажды один из Звёздных Дельфинов был ранен, когда проходил кольцо метеоритов. Он почувствовал, что не сможет далеко уплыть, и решил опуститься на голубую планету – на Землю, чтобы восстановить свои силы.

В океане, покрывавшем большую часть этой планеты, он увидел, спустившись, кольцо островов.

Окунувшись в лазурную воду лагуны, Звёздный Дельфин огляделся. Берег был пуст. Но вдруг он услышал голос. Приятный, звонкий и в то же время нежный.

Звёздный Дельфин поплыл вдоль берега, следуя за прекрасной песней. Наконец, на песчаной косе, глубоко вдававшейся в море, он увидел девушку. Её волосы были черны, словно глубины родного для дельфина космоса, а глаза – синие, как планета, на которой он нашёл убежище. Девушка пела.

Звёздный Дельфин, забыв обо всём, подплыл к берегу близко-близко и, зачарованный пением, уснул на отмели.

Проснувшись, он увидел небо, которое из голубого стало красно-оранжевым там, где касалось моря. Звёздный Дельфин удивился и не сразу заметил, что лежит в небольшой бухточке под сенью пальм. Рядом с ним сидела та самая девушка. Она смазывала его раны какой-то ароматной мазью, отчего боль в них утихла. Но Звёздный Дельфин уже не чувствовал боли. Он смотрел в синие глаза девушки и не мог произнести ни слова.

Наконец он спросил:

– Почему небо стало красным? Оно было голубым.

– Потому что солнце окрасило его в свои цвета на закате, – приятным голосом ответила девушка.

– Наверное, это бывает не часто?

– Это бывает каждый вечер. Бывает и утром. У нас очень красивое небо.

– А у тебя очень красивые глаза, – сказал Звёздный Дельфин.

Девушка смутилась, но не отвела глаз.

Они полюбили друг друга.

Раны давно зажили, но Звёздный Дельфин не смог покинуть любимую. Так и остался он навсегда на Земле. До самой смерти возлюбленные были рядом друг с другом. И было у них много детей. Только вот рождались они разными. Одни были людьми, а другие – дельфинами.

Люди унаследовали красоту от матери, но могли плавать почти так же хорошо, как отец, который любил океан так же, как раньше любил звёздные просторы. Они больше любили океан.

Дельфины были дельфинами, но в отличие от Звёздных Дельфинов они умели петь. Это унаследовали они от своей матери. Дельфины стремились обратно к звёздам.

Много лет минуло с тех пор. Люди расселились по островам, а дельфины населили глубины. Но дельфины, потомки Звёздного Дельфина, не забыли о том, откуда пришёл их отец. Они всё стремились обратно, пытались иногда выпрыгнуть из воды, – всё выше, к звёздам. Говорят, что дельфины просто проверяют свои силы, когда выпрыгивают из воды днём. На самом деле, в безлунные ночи, когда океан сливается со звёздным небом, дельфины прыгают высоко-высоко и улетают к звёздам, становясь Звёздными Дельфинами.

Курица

Над птичьим двориком, где курица гуляла,

Лишь только солнце над полями встало

Раздалась жаворонка трель.

Наседка: «Развелось теперь

Глупцов различных целая артель!

Вот жаворонок этот, что за птица?!

Не может и в хозяйстве пригодиться.

Ему б всё выше, всё б далече

Лететь, расправив шире плечи.

Там в небе нечего искать,

Оттуда вовсе не видать

Всего, что жизнь мне делает милей:

Нет ни навоза, ни червей.

Ведь небо пусто, как корыто,

Лишь облаками всё покрыто!»

Не знает курица, что с высоты такой

Всю землю видит жаворонок мой.

Чего же от бескрылых ждать?

Ругают тех, кто учится летать.

Никита Печень

Никите в декабре 2009 года исполнится восемь лет. Он живёт на Украине и учится в гимназии №71 города Запорожье.

Голуби и кошка

Бабушка дала мне хлеб, и я пошёл кормить голубей. Их было очень много. Птицы дружно кушали. Вдруг примчалась рыже-серая кошка.

Она хотела напасть на голубя, но только испугала всех птиц. Стая взлетела и унеслась!

26 июля 2008 года

Мои друзья

На Днепре у меня есть тайное место. На берегу лежит каменная Голова Дракона. Вокруг неё плавают мои подружки: две лягушки, маленькая змейка, жуки-пловуны и куча всякой рыбы. Над водой летают стрекозица, две синих птицы, много белых чаек. Я люблю их всех!

31 июля 2008 года

Голова Дракона

Я знаю, откуда взялась эта Голова. Очень-очень давно Змей-Девница в страшном бою отрубила Дракону одну голову. Отлетела эта Голова далеко и окаменела. Лежит теперь на берегу большой камень. А Змей-Девница превратилась в красивую змейку и плавает вокруг каменной Головы Дракона. Ждёт, когда отпустит Дракон её сыночков. Никогда она не дожждётся их. Сжёт Дракон двух старших братьев сразу после её гибели.

Но плавает вокруг Змейка, надеется...

10 августа 2008 года

Черепаша

Вокруг скалы с тремя мачтами для высоковольтных проводов в водовороте плавала Черепаша. Ей было очень трудно выбраться из кипящей воды.

Очень большой мальчик подошёл к краю скалы и вытащил Черепашу. Позвал своих подружек, показал им свою находку и выпустил Черепашу в спокойное место.

Я очень переживал за эту Черепашу!

3 октября 2008 года

Никита Печень – участник конкурса детской литературы «ПЕГАСИК-2009». Эти миниатюры публикуются в рамках акции «МОСТ в будущее» при поддержке альманаха «МОСТ» и Дианы Дорониной. Также прочитать их Вы можете на диске-приложении к 17-му тому вместе со всеми материалами по конкурсу.

Эмиль Котлярский

Человек по имени Лев

(пьеса для мыслящих)

2001 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лев Николаевич Толстой – великий писатель.

Софья Андреевна Толстая – его жена.

Антоний – митрополит.

Секретарь Льва Толстого.

Журналисты.

Архиепископ Парфений.

Александра (Саша) – дочь Толстого.

Уличная толпа (продавцы газет, прохожие).

Харламов – вице-директор департамента полиции.

Варсонофий – иеромонах, оптинский схимник.

Савицкий – ротмистр.

Столпын – статс-секретарь.

Владимир Ильич Ленин – большевик.

Пролог

Звучит третий звонок. Свет в зале гаснет. Полная темнота, которая держится до тех пор, пока не устанавливается в зале полная тишина.

После небольшой паузы возникает звук, который очень постепенно усиливается. Это гул самолётов. Зажигается экран, на котором события 11 сентября в США. Гул самолётов, крики, плач и т.д.

Когда наступает крещендо, внезапный обрыв. Тишина. Тьма.

Действие первое

Занавес. Темнота. В глубине сцены свечи, освещающие портрет Александра II в траурном оформлении. Под ним молящийся Александр III (36 лет) в домашнем одеянии. Звучит тихо музыка – хор. Постепенно, сквозь это пение, возникают тревожная музыка и голос.

ГОЛОС. По указу его императорского величества Правительствующий сенат в особом присутствии для суждения дел о государственных преступлениях, выслушав дело и прения сторон, постановил: подсудимых – крестьянина Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова-Желябова, 30 лет; дворянку Софью Львовну Перовскую, 27 лет; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27 лет; тихвинского мещанина Николая Иванова Рысакова, 19 лет; и крестьянина Смоленской губернии, Сычёвского уезда, Ивановской волости, деревни Гаврилково, Тимофея Михайлова, 21 года; на основании статей уложения о наказаниях 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 279 и 1459 – лишить всех прав состо-

яния и подвергнуть смертной казни через повешение. Санкт-Петербург, 30 марта 1881 года.

Музыка – крещендо, царь в это время стоит неподвижно на коленях и шепчет молитву; через паузу тишины снова тихое пение; на авансцене появляется Лев Толстой (53 года), освещённый так, что его тень ложится на Александра III.

ТОЛСТОЙ. Ваше императорское величество! Отца вашего, царя русского, старого доброго человека, убили. Убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей; убили во имя какого-то высшего блага всего человечества. Они враги ваши потому, что вы занимаете место вашего отца, и для того мнимого блага, которого они ищут, они должны желать убить и вас. К этим людям в душе вашей должно быть чувство мести и чувство ужаса перед той обязанностью, которую вы должны были взять на себя. Более ужасного положения нельзя себе представить, потому что нельзя себе представить более сильного искушения зла. «Враги отечества, народа, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как не очистить от этой заразы русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов? Этого требует не моё личное чувство, даже не возмездие за смерть отца, этого требует от меня мой долг, этого ожидает от меня вся Россия».

В это время царь уже не молится, а с гордо и решительно поднятой головой делает ею жест согласия.

ТОЛСТОЙ. В этом-то искушении и состоит весь ужас вашего положения. Положение ваше ужасно, но только затем и нужно учение Христа, чтобы руководить нас в тех страшных минутах искушения, которые выпадают на долю людей. «Вы слышали, что сказано: любите ближнего своего и возненавидь врага твоего; а я говорю вам: любите врагов ваших. Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать».

ЦАРЬ. Если бы преступление было совершено против меня лично, я бы, возможно, и простил. Но оно совершено против моего отца и против государства, вверенного мне Богом.

ТОЛСТОЙ. Никакие царские, государственные соображения не могут нарушить этих заповедей. Около двадцати лет тому назад завелось гнездо людей, большей частью молодых, ненавидящих существующий порядок вещей и правительство. Двадцать лет борются с этим гнездом, но до сих пор гнездо это не только не уничтожено, но оно растёт, и люди эти дошли до ужаснейших по жестокости и дерзости поступков, нарушающих ход государственной жизни. Что делать? Или пресекать: казни, ссылки, цензура; или либеральная потачка: свобода, мягкость взысканий, даже конституция – ни то, ни другое не помогло, больной всё больше. Представляется ещё средство – средство, о котором врачи ничего не знают. Отчего же не испытать его.

ЦАРЬ. Что же это за средство?

ТОЛСТОЙ. Простить ужаснейших преступников, воздать им добром за зло.

Царь слушает, глядя сверху вниз, всем видом высказывая несогласие.

ТОЛСТОЙ. Многим это покажется, в лучшем смысле, идеализмом, безумием, а многим – злонамеренностью. Да, средство странное, но оно имеет преимущество перед другими средствами: те употреблялись бесполезно, а это ещё никогда не употреблялось. Люди привыкли думать, что божественные истины только духовного мира...

При этих словах между царём и Толстым появляется толпа людей спиной к залу, которая чего-то ждёт. И вот над толпой быстро вырастает эшафот, который заслоняет царя. Эшафот очень высокий – три сажени над землёй; на нём пять позорных столбов; палач в красной рубахе, который сначала проверяет петли, затем поочерёдно возводит на эшафот пятерых приговорённых в наручниках и цепях, которыми их привязывают к позорным столбам, на каждом чёрная табличка с белой надписью «Цареубийца». Сначала гул толпы, потом мёртвая тишина. Эшафот возводится под барабанную дробь, которая становится всё громче.

ТОЛСТОЙ. ...и неприложимы к житейскому. Врачи скажут: мы не принимаем вашего средства, потому что, хотя оно и не испытано и само в себе не вредно, и правда, что теперь кризис, мы знаем, что оно ничего, кроме вреда, сделать не может. Христианское прощение и воздаяние добром за зло хорошо для отдельного человека, но не для государства. Приложение этих истин к управлению государством погубит государство.

Государь! Ведь это ложь! Злейшая, коварнейшая ложь: если это закон Бога для людей, то он всегда и везде закон Бога, и нет другого закона. И нет кощунственнее речи, как сказать: закон Бога не годится. Тогда он не закон Бога.

На эшафоте появляются пять священников в траурных ризах, с крестами в руках; каждый подходит к своему приговорённому: Перовская отказывается; Желябов, улыбаясь, говорит что-то священнику на ухо, смеётся, но крест целует, больше для толпы, чем по вере; Рысаков еле стоит на ногах, его поддерживают помощники палача.

ТОЛСТОЙ. Если вы не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете трёх-четырёх, и зло родит зло, и на месте трёх-четырёх вырастут тридцать, сорок, и сами навеки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего века, и навеки завязнете в делах зла, называемых государственной пользой. Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут не к вам, не к ним, а перейдут от дьявола к Богу, и у миллионов дрогнет сердце от радости при виде примера добра с престола.

На эшафоте действие идёт своим чередом.

ТОЛСТОЙ. Истины Христовы живы в сердцах людей, и вы, царь, провозгласили бы эти истины не словом, а делом. Вы стоите на распутье. Один ложный шаг может навсегда погубить больного, связать всё будущее. Отчего не попробовать во имя Бога исполнить только закон Его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Исполнение закона Бога не может быть злом. Убивая, уничтожая людей, которые ненавидят существующий порядок вещей, нельзя бороться с ними.

Приговорённые прощаются друг с другом. Желябов целует Софью Перовскую и других.

ТОЛСТОЙ. Не важно их число, а важны их мысли. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал, который бы был выше их идеала. Есть только один идеал, который можно противопоставить им: тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, тот, который включает их идеал, – идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло.

При словах «включает их идеал» барабанная дробь – максимально громко, палач выбивает подставку из-под ног приговорённых. Тишина. Всё уходит почти в полную темноту. Пять слегка покачивающихся трупов при полной тишине. Сквозь темноту медленно проступает картина Николая Ге «Распятие», которое становит-

ся фоном повешенных. Сцена поворачивается, увозя эшафот. Много света. На сцене выставка. Посередине картина Ге; на двух других перегородках всякая всячина: натюрморты, портреты и т.п. Ходит публика, смотрит, реагирует; вот какой-то царедворец с сановниками, в числе которых богато одетые дамы, подходят к «Распятию». Смотрят. Брезгливая, осуждающая реакция. Быстро уходят. От авансцены, слева, медленно появляется 66-летний Лев Толстой. Идёт к центру. Смотрит на картину Ге, а все посетители выставки смотрят на него. Толстой поворачивается лицом к залу.

ТОЛСТОЙ. Когда я в первый раз увидел это «Распятие» на выставке, я был уверен, что картину снимут. Надо, чтобы казнь, та самая казнь, которая производится теперь, была представлена так, чтобы на неё было так же приятно смотреть, как на цветочки. Рядовая публика требует Христа – икону, на которую бы ей молиться, а Николай Ге даёт ей Христа – живого человека. Удивительная судьба христианства! Его сделали домашним, карманным, его обезвредили, и в таком виде люди приняли его, и мало того, что приняли, привыкли к нему, на нём устроились и успокоились. И вдруг оно начинает развёртываться во всё своё громадном, ужасающем для них, разрушающем всё их устройство значении. (*Снова смотрит на картины, небольшой проход.*) Если возьмёшь книги учёных, тех, которые пишут о верах, то прочтёшь в этих книгах описания тысячи вер. Если послушаешь, что говорят люди, то услышишь – одни, и таких больше всего, говорят: все девятьсот девяносто девять вер – ложные, одна моя, та, в которой я родился, – истинная; другие говорят: все тысячи вер разные, значит, все веры одни пустяки и ни одной нету истинной. (*Рядом с «Распятием», слева проявляется картина Ге «Что есть истина?»*) Неужели это так надо, и того хотел Бог, когда сотворил людей? Неужели так и надо, чтобы люди все разбрелись на тысячу вер, и каждая вера осуждала и ненавидела одна другую? Зачем вера не одна?.. Так говорил себе и я, пока не искал Бога, а когда стал искать, то понял, что с тех пор, как есть люди, есть и была всегда одна вера. Есть разные учения вер, но вера одна. Вера есть смысл, даваемый жизни. Каждый человек находит этот смысл и живёт на основании его. Как, зачем, кому может быть нужно, чтобы другой не только верил, но и исповедовал бы свою веру так же, как я? Вера есть его жизнь! Как же я могу отнять у него его веру и дать ему другую? Это всё равно, что вынуть из него сердце и вставить другое. Это не вера, а обман веры. И этот-то обман веры есть старое условие жизни человечества. В чём же состоит этот обман и на чём он основан?

Одна из перегородок поднимается и за ней открывается внутреннее помещение храма, где идёт церковная служба; свечи, иконы, прихожане, священник; слабое пение.

ТОЛСТОЙ. В христианстве весь обман построен на фантастическом понятии церкви. Из всех безбожных понятий и слов нет понятия и слова более безбожного, чем понятие церкви.

Посетители выставки пугливо переглядываются и поспешно удаляются, постепенно оставляя Толстого в одиночестве.

ТОЛСТОЙ. И обман церкви идёт до сих пор, обман, состоящий в том, что принятие властью христианства нужно для тех, которые понимают букву, а не дух христианства. Освящение власти государственной есть кощунство, есть погибель христианства. Или нет государства, или нет христианства. Нагорная проповедь или символ веры: нельзя верить тому и другому. Церковники выбрали последнее. Если какой злодей пограбит всех, побьёт много народа, его

они (*на священников в храме*) помажут – он от Бога. У нас мужеубийца, блудница были от Бога... А попы не только уж от Бога, но сами почти боги, потому что в них сидит дух святой: и в Папе, и в нашем синоде с его командирами-чиновниками.

В храме появляются прихожане с детьми. Толстой смотрит на происходящее.
На сцене священнослужитель.

АНТОНИЙ. Определение Святейшего синода от 20-23 февраля 1901 года №557. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое его достоинство, отрёкся от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которою жили и спасались наши предки и которою досель держалась и крепка была Русь Святая. В своих сочинениях и письмах, во множестве рассеиваемых им по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской. Ругаясь над самыми священными предматами веры православного народа, он не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию. Всё сие проповедует граф Лев Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью Православною. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сём свидетельствуем пред всю Церковь к утверждению правосоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к вразумлению самого графа Толстого. Свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разуме истины.

Подлинное подписали:

Смиренный Антоний, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский
Смиренный Феогност, Митрополит Киевский и Галицкий
Смиренный Владимир, Митрополит Московский и Коломенский
Смиренный Иероним, Архиепископ Холмский и Варшавский
Смиренный Иаков, Епископ Кишинёвский и Хотинский
Смиренный Маркел, епископ
Смиренный Борис, епископ

Лев Толстой смотрит на картину «Распятие».

ТОЛСТОЙ. Я не хотел отвечать на постановление обо мне синода... Но постановление это вызвало очень много писем, в которых одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, во что я не переставал верить, третьи выражают со мной единомыслие, которое едва ли в действительности существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить... Да, я отрёкся от церкви, называющей себя православной. Но отрёкся я от неё не потому, что восстал на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами души желал служить Ему. Да, я отвергаю непонятную Троицу и, не имеющую никакого смысла в наше время, кощунственную историю о боге, родившемся от девы, искупляющем род человеческий. Бога же – духа, Бога – любовь, Единого Бога – начало всего не

только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении. Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне синода. Я действительно не верю в то, во что они говорят, во что верят. Но я верю во многое, во что они хотя уверить людей, что я не верю. Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что Он во мне, а я в Нём. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимаю Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека – в исполнении воли Бога. Воля же Его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки.

Музыка.

ТОЛСТОЙ. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть... И потому я не могу никак иначе верить, как так, как я верю. Я не говорю, что моя вера была одна несомненно на все времена истинна. Но я не вижу другой – более простой, ясной и отвечающей всем требованиям ума и сердца. Если я узнаю такую, я сейчас же приму её. Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями вышел, я уже никак не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу яйца, из которого она вышла. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более себя, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же я люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство. И в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу, и спокойно и радостно приближаюсь к смерти.

Музыка.

ТОЛСТОЙ. Я отрёкся от церкви, перестал исполнять её обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей и мёртвое моё тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

Музыка. Толстой садится в кресло. Входит Софья Андреевна.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Лёвочка, прости, что мешаю тебе, пришло письмо... ТОЛСТОЙ (*несколько раздражённо*). Ну, и что? Пришло и пришло... Вот невидаль...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ну, не сердись... В том-то и дело, что невидаль... Без обратного адреса, без фамилии... Мне что-то тревожно.

ТОЛСТОЙ. Ну так открой и прочти!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Но оно адресовано тебе.

ТОЛСТОЙ. Ты меня всё коришь за то, что у меня от тебя секреты, устраиваешь мне сцены... Ну так открывай и читай вслух!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*открывает письмо и читает*). «Граф Лев Николаевич! Бесспорно, что секта Ваша растёт и глубоко пускает корни. Как не беспочвенна она, но при помощи дьявола и по глупости людей Вам вполне удалось оскорбить господу нашего Иисуса Христа, который должен быть нами отщён». (*Останаавливается, смотрит на Льва Николаевича.*)

ТОЛСТОЙ. Читай дальше... погромче...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. «Для борьбы с Вами мы образовали тайное общество «Вторых крестоносцев», цель которых – убить Вас и всех последователей – вожаков секты Вашей». *(Останавливается.)* Лёвочка! Что это?.. Боже! ТОЛСТОЙ *(мягко)*. Ничего... читай...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. «Сознаём вполне, что дело это не христианское, но да прости Господь и да рассудит нас за гробом! Как ни жаль бывает «своей» руки, но раз заражена она гангреной – приходится ею пожертвовать, жаль и Вас как брата во Христе, но с уничтожением Вас зло должно ослабнуть!» *(Останавливается, повторяет.)* С уничтожением Вас... Лёвочка! Что же это?

ТОЛСТОЙ. Это то, что ты могла и не знать, если бы это письмо прочитал я один.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Как ты можешь шутить?!

ТОЛСТОЙ. А ты хочешь, чтобы я от страха упал в обморок?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Надо что-то делать! Срочно!

ТОЛСТОЙ. Ты совершенно права!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я рада, что ты согласен хоть в этом! Надо что-то делать!

ТОЛСТОЙ. И я знаю – что!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что, Лёвочка? Что? *(Бросается к нему.)*

ТОЛСТОЙ. Во-первых, надо успокоиться. *(Гладит её.)* А во-вторых...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что? Что?..

ТОЛСТОЙ. А во-вторых, надо дочитать письмо.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Дочитать письмо... Не могу!.. Не могу!

ТОЛСТОЙ *(очень мягко)*. Ну что ты... Что ты... Успокойся!.. *(Берёт из её рук письмо.)* Это ведь всего лишь письмо... *(Гладит её голову.)* Успокойся... *(Пытается спрятать письмо.)*

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Письмо... Где письмо?

ТОЛСТОЙ. Я его после дочитаю...

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Нет! Сейчас! Я хочу знать!

ТОЛСТОЙ. Ты сейчас слишком взволнована. И ведь письмо адресовано мне.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. А хоронить тебя мне *(берёт письмо)*. «С уничтожением Вас зло должно ослабнуть. Жребий пал на меня недостойного: я должен убить Вас!.. Должен убить Вас!..» *(Рука с письмом падает, Софья Андреевна смотрит на Толстого.)*

ТОЛСТОЙ *(с болью сочувствия)*. Не надо, Соня. Оставь! Всё это пустая угроза. Не впервой!..

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Такое впервые... *(Поднимает письмо, читает.)* «Я должен убить Вас! Назначаю для Вас этот день: 3 апреля будущего года. Миссия моя во имя великого святого, и Вы можете приготовиться для перехода в загробную жизнь». *(Снова останавливается в ужасе.)*

ТОЛСТОЙ. Ну зачем ты себя мучаешь?.. Хватит!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(продолжает чтение)*. «Вы поставите мне логично вопрос: почему именно Вы? Правда, все секты – «Мерзость перед Господом!», но руководители их жалкие недоумки – не чета, граф, Вам; и потом Вы – враг нашего царя и Отечества! Итак, до «третьего апреля». Второй крестоносец. Жребий первый...» *(Бросает письмо, которое подбирает Толстой, и в изнеможении опускается на пол рядом со Львом Николаевичем.)* Что же это, Лёвочка?! Не понимаю...

ТОЛСТОЙ *(разглядывает конверт)*. На сургуче «ЕС» и дворянская корона. Штемпель из Павлограда, 20 декабря.

Софья Андреевна, которая в это время омертвело сидела у ног Льва Николаевича, вдруг резко вскакивает и хочет уйти.

ТОЛСТОЙ. Ты куда?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Надо срочно сообщить губернатору и здешнему полицмейстеру. Срочно! Пусть примут меры!

ТОЛСТОЙ. Какие меры?..

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Если захотят, они разыщут этих убийц.

ТОЛСТОЙ. Ещё никого не убили.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Когда убьют, будет поздно!.. Я еду к губернатору!.. Письмо... Где письмо?.. (*Идёт к Льву Николаевичу.*) Дай письмо!

ТОЛСТОЙ (*берёт её протянутую руку, гладит*). Никуда не надо идти. Предупредить ничего нельзя. На всё воля Божья. Не эти, так другие... «Меня гнали, и вас будут гнать», – сказал Христос. Так и есть, должно быть, и не может быть иначе. Если человека не гонят в нашем мире, то потому только, что он не исповедует того, что должен исповедовать. «Не на этот ли час я пришёл?» – сказал Христос. И мы должны чувствовать то же. Ведь тут только начинается настоящая жизнь. Ведь вся остальная жизнь была только приговорением к этому часу. Ведь если не это – не пострадать за истину, – то зачем же жить?

Луч света остаётся на Софье Андреевне. Музыка.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*в зал*). Только что я проводила на войну моего милого, ласкового, любящего сына... моего Андрюшу. Что-то оборвалось в моём сердце. Ещё новая полоса отделила значительный период моей жизни от прежней и последующей – проводы сына на войну и ужасное впечатление проводов солдат вообще. (*Пауза, подходит совсем к краю сцены, говорит в зал.*) Что такое война?.. Неужели один глупый человек, Николай II, не злой, сам плачущий, мог наделать столько зла?

Софья Андреевна уходит. Лев Толстой и журналисты.

ТОЛСТОЙ. По-моему... кампания проиграна.

ЖУРНАЛИСТ 1. Но это ничего: правительство будет вынуждено провести самые значительные и обширные реформы, так что поражение выйдет благом для России. Не было бы счастья, да...

ТОЛСТОЙ. Будут ли реформы – сомневаюсь, выйдет ли благо – знать не дано. Верный прогресс человечества один – в области духовной, в самоусовершенствовании каждого отдельного человека. Человек может двигать только себя одного, а не других реформами.

ЖУРНАЛИСТ 2. А будет ли японцам полезна победа?

ТОЛСТОЙ. Не знаю. Германии победа не была полезна. И Франции. То, что она проиграла, скорее, было ей на пользу.

ЖУРНАЛИСТ 3. Поражение более способствует всеобщему прогрессу, чем победа?

ТОЛСТОЙ. Прогресса нет. Идеал что две тысячи лет назад, что сегодня – тот же. Реальная жизнь – духовная; телесное существование – призрачно.

ЖУРНАЛИСТ 1. Не будет ли граф любезен ответить на следующие вопросы: каков ваш взгляд на политические события, происходящие сегодня в России, и каково ваше участие в них? Чем закончится кризис? И как сохранить монархию?

ТОЛСТОЙ. Я слишком стар и недостаточно легкомыслен, чтобы отвечать на такие вопросы.

ЖУРНАЛИСТ 1. Но ответы на эти вопросы волнуют миллионы людей во всём мире. И ответы именно великого Льва Толстого.

ТОЛСТОЙ (*несколько раздражённо*). Все мои ответы давно даны: они в моих работах. Важнейший вопрос, который самый важный для России и который может быть теперь разрешён, – это вопрос земельный. Земля не может быть частной собственностью. Это единственный ответ, который я могу вам дать.

ЖУРНАЛИСТ 2. А конституция?

ТОЛСТОЙ. Конституция – замаскированная форма насилия.

ЖУРНАЛИСТ 2. Означает ли это, что вы конституции предпочитаете монархию?

ТОЛСТОЙ. Да, но только в том смысле, что конституция – замаскированная форма насилия, а монархия – явная, видимая и с ней легче бороться. России не нужно ни того, ни другого. Надо, чтобы народ освободился от всякого правительства, перестал им повиноваться. В России теперь всем видно, что такое правительство.

ЖУРНАЛИСТ 1. Прошу меня извинить за настойчивость, но что, на ваш взгляд, можно ожидать от теперешних революционных событий в России?

ТОЛСТОЙ. И я прошу простить меня за повторение уже мною сказанного на этот вопрос... Вперёд ничего нельзя предвидеть. Если бы мне было восемнадцать лет... А мне не восемнадцать, а почти наоборот... И я знаю, что вперёд ничего не могу знать.

ЖУРНАЛИСТ 3. Многие в Европе считают Вильгельма гением. А вы?

ТОЛСТОЙ (*раздражённо*). А я считаю, что он большой дурак и очень наглый. Русскому народу он не может ничего сделать. Всё, что он делает, не имеет никакого влияния на русский народ.

ЖУРНАЛИСТ 1. В Европе сложилось мнение, что Льву Толстому патриотизм чужд. Но, оказывается, это только на словах. Когда касается России и русского народа, он – патриот, да ещё какой!

ТОЛСТОЙ. Это вы судите по моему отзыву о Вильгельме? Так я и о наших не лучшего мнения. И никогда не скрывал этого. Раньше самодержавие устраивало Россию, теперь нет.

ЖУРНАЛИСТ 2. Оно обречено?

ТОЛСТОЙ. Хотят спасти самодержавие православием... Потопят и то, и другое.

ЖУРНАЛИСТ 3. Многие в России уповают на личные качества Его Величества.

ТОЛСТОЙ. Наш царь слабоумен. Говорю это не затем, чтобы разуверить вас в том, что я болею патриотизмом, а потому, что наш царь именно таков. Он не свободен. Всякую минуту говорит другое, безответственно. Слушается дядей, матери, Победоносцева... Жалкий, ничтожный, даже недобрый.

ЖУРНАЛИСТ 2. Даже так?

ТОЛСТОЙ. Нельзя достаточно резко писать про Николая и ему подобных. Священная особа! А надо быть дураком, или злым человеком, или сумасшедшим, чтобы совершать то, что он совершает. Человеку в таком положении надо или повеситься, или спиться, или с ума сойти.

ЖУРНАЛИСТ 3. Сегодня нужна Екатерина!

ТОЛСТОЙ. Ограниченная, глупая, неграмотная, истеричная и развратная женщина, которая погубила тысячи жизней и бездну денег.

ЖУРНАЛИСТ 2. Развратная – да, это известно. Но глупая! Невежественная!

ТОЛСТОЙ. Глупая и невежественная!.. Письма к Вольтеру писала не она, а Шувалов.

ЖУРНАЛИСТ 1. Но что же вместо этого?

ТОЛСТОЙ. Жить надо своим разумом, совестью. Христос, Будда – вот только у кого искать помощи. А не у какой-то развратной бабы.

ЖУРНАЛИСТ 2. Не слишком ли, граф, вы жестоки?

ТОЛСТОЙ. Нельзя не презирать эту гадину. Раздарила любовникам, которых меняла, как чулки, четырёста тысяч крестьян, то есть из вольных людей сделала рабов. Глупая, тщеславная, нерусская шкура!

ЖУРНАЛИСТ 2. Ого!

ТОЛСТОЙ. Дело не в отдельных людях и не в форме правления.

ЖУРНАЛИСТ 1. Надо требовать свободы печати! При ней можно будет проповедовать хорошие идеи!

ТОЛСТОЙ. И она не спасает. При свободе печати станет ясно, что либералам нечего сказать.

ЖУРНАЛИСТ 3. В «Русских Ведомостях» появилось сообщение о том, что Министерство внутренних дел постановило освободить сосланных и заключённых за веру, приостановить процессы за веру и не начинать новых. В этом ваша большая заслуга.

ТОЛСТОЙ. Что выпустят из тюрем, возвратят из ссылки и прекратят преследование за религиозные убеждения, очень хорошо. Только это не решает главного...

ЖУРНАЛИСТ 3. Чего именно?

ТОЛСТОЙ. Христианство несовместимо с государством. Или государство, или христианство. Или повиноваться высшему закону Бога, или государства. Что-то одно. Тут-то и трагизм. Истинному христианину свобода не нужна. Истинный христианин всегда свободен.

ЖУРНАЛИСТ 3. Выходит, пусть и преследуют, и ссылают? И детей отнимают?

ТОЛСТОЙ. Истинная вера угнетением крепнет. *(Пауза.)* Требовать от правительства, чтобы оно уступило свою власть, – нельзя. Наивно. Глупо! Оно не уступит. Остаётся одно из двух: или уничтожаем, убийство, террор, так что правящие разбегутся, или – личное самоусовершенствование. Положим, что вы насилуете, большой кровью свергнете теперешнее правительство и учредите новое. Почему вы думаете, что люди, которые составят новое правительство, будут руководствоваться новыми, иными основами?.. Нет... никакие изменения внешнего устройства никогда не улучшат и не могут улучшить положение людей.

ЖУРНАЛИСТ 2. Терпеть и ждать?

ТОЛСТОЙ. Зачем ждать? Трудиться изо всех сил, но только не на улицах с флагами и оружием, а над собой. Не надо ничего требовать от правительства и тем более брать на душу грех убийства. Не надо даже ни о чём просить Бога, потому что всё, что нужно для того, чтобы быть счастливыми, нам уже дано. И если я не счастлив, то в этом моя вина. Надо заниматься собой.

ЖУРНАЛИСТ 1. Так просто?

ТОЛСТОЙ. Это единственный выход. Идти не на улицы, неся и умножая злобу и губя душу, а идти в себя, глубже и глубже. Спасение только там. Всё это мной уже столько раз сказано... *(К журналисту.)* Вы лучше бы сделали, если бы те деньги, которые вы потратили на поездку ко мне, употребили на то, чтобы приобрести мои книги, в которых я, как мог, ответил на ваши вопросы и многие другие. Ведь это так ясно и просто! Чем упорнее мы ломимся в дверь, за которую находится то, что мы считаем благом, тем меньше надежда проникнуть за неё, ибо толпы людей напирают, давя, прижимают нас к двери. К двери, которая отворится на себя. Все двери, ведущие к истинному благу, отворяются всегда только на себя. Так что для достижения истинного блага человеку нужно заботиться не об изменении условий, а об изменении только себя.

ЖУРНАЛИСТ 1. Но нельзя отрицать, что некоторые революции достигали своих целей. И, может быть, новая революция в России, скажем, через пять лет...

ТОЛСТОЙ. Меня не интересует, что будет в 1910 году. Меня интересует, что будет через семьдесят лет. Если бы те, кто боролись за Французскую революцию, могли видеть последствия дальнейших семидесяти лет... Какое это было бы разочарование! Дело не в том, чтобы свергнуть правительство, а в том, чтобы не повиноваться ему.

ЖУРНАЛИСТ 2. Но понимает ли это тот самый народ, во имя которого вы так стараетесь?

ТОЛСТОЙ. На моих глазах народ испортился. Но всё равно я перед руским народом благоговей. Всё лучшее я получил от него. Полагаю, что и я из народа. И всегда старался и стараюсь писать для него. Я счастлив, что смолоду полюбил русский народ и преклонялся перед ним. Я против него – дрянь. Что пишут Горький, вы, я – чепуха, ничто! У него свои религия, философия, искусство. Он духовно растёт. Идёт вперёд, только медленно: не мы, а он знает, и не ему у нас, а нам у него учиться. И он всё видит и понимает, куда привело его правительство: к маньчжурской войне, к порабощению на фабриках и заводах, к гибели крестьянства.

ЖУРНАЛИСТ 2. Я читал ваши работы «Христианство и патриотизм», «Патриотизм или мир». Вы человек мира. И всё же, неужели вам всё равно, кто победит в этой войне? Вы за кого: за Россию или за Японию?

ТОЛСТОЙ. Я не за Россию и не за Японию, а за обманутые русский и японский народы.

ЖУРНАЛИСТ 3. Мне было приятно, что Порт-Артур пал.

ТОЛСТОЙ. А мне нет. Три события этой войны были для меня самые мучительные: потеря тридцати пушек, Тюренчэн; сдача Порт-Артура и разгром Балтийской эскадры. Жаль мне было, во-первых, убитых людей, второе – русских людей, и третье – ложно направленной покорности русского народа, приведшей к этим ужасным событиям. (Пауза.) Вижу, некоторые из вас в недоумении и растерянности... Пишет одно, а на деле... махровый патриот. Что ж... признаю... Живёт во мне ещё эта зараза собственничества, атавизм патриотизма. Да, едва ли распространяемость моих писаний окупит то недоверие к ним, которое должна вызвать непоследовательность в моих поступках. Но хотя у меня старая патриотическая закваска, которая и для меня самого так сильно пробилась в японской войне, я от всей души желаю освобождения Польше. И хотя я плохой предсказатель, полагаю, что Польша и Финляндия отпадут.

ЖУРНАЛИСТ 2. А Кавказ?

ТОЛСТОЙ. И Кавказ. Все они хотят автономии. Я за автономию. Но есть патриоты, которые против. А я за! Пусть отделяются. Русскому народу будет только легче без них. Величие государства желательно тем, кто стоит у власти. А не народу. Пусть отделяются!.. Но и народам, покорённым, страдающим от угнетения, надо уничтожать патриотизм, разрушать теоретические основы его, осмеивать его, а не восхвалять. Всё дело человечества и всякого отдельного человека состоит только в том, чтобы подавлять эти предпочтения и недоброжелательства. Заботиться нам надо не о патриотизме, а о том, чтобы двигаться к идеалу, который в наше время состоит не в восстановлении Польши, Богемии, Ирландии, Армении и не в сохранении единства и величия России, Англии, Германии, Австрии, а напротив – в уничтожении этого единства и величия России, Англии, Германии и других, в уничтожении этих насильственных, антихристианских соединений, называемых государствами. Прежде, чем русские, поляки, немцы, французы – все мы, люди, ученики одного Учителя, дети одного Отца. (Вздыхает и как-то обречённо машет рукой.) Уж сколько раз я говорил это!.. Что патриотизм – чувство вредное, неразумное, являющееся причиной большей части тех бедствий, от которых страдает человечество. Но все мои доводы об отсталости и вреде патриотизма встреча-

лись и встречаются до сих пор или молчанием, или умышленным непониманием.

ЖУРНАЛИСТ 2. Но патриотизм патриотизму рознь. Есть патриотизм действительно вредный, а есть благодатный, неизбежный, справедливый, даже святой!

ТОЛСТОЙ. Вот, вот!.. Всегда одно и то же возражение: вреден только дурной патриотизм, шовинизм, но настоящий, хороший патриотизм есть очень нравственное возвышенное чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно.

ЖУРНАЛИСТ 2. А разве это не так?

ТОЛСТОЙ. Не так! Ибо когда спрашиваешь: «А в чём же состоит этот настоящий, хороший патриотизм?», то или вовсе слышишь одно молчание, или напыщенные высокопарные фразы, или же под понятие патриотизма подставляется нечто, не имеющее ничего общего с тем патриотизмом, от которого все мы так жестоко страдаем. Или, может быть, у вас есть другие доводы?

Журналист 2 молчит.

ТОЛСТОЙ. Ни один народ не хочет нападать и не нападает на другой, и потому правительства не только не желают мира, но старательно возбуждают ненависть к себе других народов. Возбудив же к себе ненависть других народов, а в своём народе патриотизм, правительство убеждает свой народ, что он в опасности и нужно защищаться. Всякое правительство, и тем более правительство, у которого военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

ЖУРНАЛИСТ 1. Но без государства нельзя! Какое-никакое, а нужно!

ТОЛСТОЙ. Старая наивная песня! Без государства нельзя! Но почему? Кто пробовал?.. Значит, я – анархист. Не хочу ни Николая, ни Витте с парламентом, ни республики с Горьким. Вот вы считаете, что я – анархист. А и ныне говорят, что я иду с реакционерами. Но меня это не смущает. Важен только Бог, а не мнения людей. Меня упрекают и в сочувствии самодержавию. А мне оно отвратительно!

ЖУРНАЛИСТ 1. В газетах пишут, что возбуждены девяносто два дела против офицеров, не ставших стрелять в народ во время демонстраций.

ТОЛСТОЙ. Вот это знаменательно!

ЖУРНАЛИСТ 1. Девяносто два! А остальные? По газетным сообщениям, в разных местах России уже до пятисот убитых; в Томске манифестантов сожгли в здании железнодорожного управления; в Туле, рядом, двадцать убитых. (*Разворачивает газету.*) Вот, послушайте...

ТОЛСТОЙ (*резко*). Не хочу слушать! Бог с ними! Не надо интересоваться кровопролитием. Интересом к ненависти, злобе, убийству пробуждается задор, который есть в душе каждого человека, развиваем в себе зародыш ненависти, вражды.

ЖУРНАЛИСТ 3. Но нельзя же делать вид, что ничего не происходит?

ТОЛСТОЙ. Надо бы, да не получается. Хочу не знать того, что за стеной, а оно само вырывается... Русский народ ожидает, что царь, как в шестьдесят первом взял у помещиков крепостных, так отнимет у них и землю. Если же будет конституция и придут к рулю адвокаты, болтуны, живодёры, прогоревшие помещики, – народу земли не видать. И никакие мятежи не помогут. Земельный вопрос окончательно может быть решён только безнасильственным путём.

ЖУРНАЛИСТ 2. Всё это хорошо в теории, но как это осуществить практически?

ТОЛСТОЙ. Для того, чтобы уничтожить форму правительственную, есть две силы: физическая и духовная. Духовная – это новое мировоззрение. И пользоваться этой духовной силой никто никому не может препятствовать.

ЖУРНАЛИСТ 2. Непротивление?

ТОЛСТОЙ. Да, непротивление.

ЖУРНАЛИСТ 2. Ваше непротивление – это, может быть, и прекрасный, но идеализм, далёкий от действительной жизни.

ТОЛСТОЙ. Во-первых, непротивление не моё. Это так считают по невежеству. Оно появилось задолго до меня: Гаррисон, Баллу, квакеры. И для них это не было идеализмом, далёким от действительной жизни. Они жили так. Но и они были далеко, далеко не первые, открывшие, провозгласившие этот величайший нравственный закон. Первым был Иисус Христос. В своей Нагорной проповеди он сказал: «Вы слышали: «Око за око, зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку, обрати к нему и другую». Разве это всем вам не известно с самых малых лет?

ЖУРНАЛИСТ 3. Но только как текст, как некая прекрасная поэзия.

ТОЛСТОЙ. Но для Христа это не было поэзией. Он так жил. И так умер в мучениях. Но и в счастье. Ибо остался верен идеалу. Мы часто говорим о нравственности. Но что такое нравственность? Масса самых разных определений. Я думаю, что нравственность – это верность Истине.

ЖУРНАЛИСТ 2. Но что такое Истина? Для каждого она нечто своё.

ТОЛСТОЙ. Нет, Истина одна, как Бог. И Истина эта есть любовь. Любовь каждого ко всем и к Богу. И так жил сам Христос. И так заповедовал жить другим. И так уже живут многие.

ЖУРНАЛИСТ 2. Или только делают вид, что следуют заповедям Христа.

ТОЛСТОЙ. Да, к сожалению, таких много. Для большинства заповеди Христа, которого они называют и считают Богом, не есть нравственные законы, которые нельзя не исполнять, а всего лишь нечто, чему можно следовать или не следовать, по своему усмотрению. Учение Христа считается таким учением, которое можно принять или не принять, не изменяя своей жизни. «Неразумно, – говорит общественный человек, – жертвовать благом своим, своей семье, своего отечества для исполнения какого-то высшего закона, требующего от меня отречения от самых естественных и добрых чувств любви к себе, к своей семье, к родине, к отечеству, и, главное, опасно отвергать обеспечение жизни, даваемое государственным устройством». Нам кажется теперь, что требования христианского учения о всеобщем братстве, безразличии народностей, об отсутствии собственности, о столь кажущемся странным непротвлении злу насильем – суть требования невозможного. Но точно такими же казались тысячелетия тому назад требования того, чтобы родители кормили детей, молодые старых, чтобы супруги были верны друг другу. Странными, даже безумными казались требования государственные: чтобы граждане подчинялись власти, платили подати, шли защищать отечество. Теперь все эти требования для нас так просты, понятны, естественны и не имеют в себе ничего мистического. Придёт время, и приходит уже, когда христианские основы жизни – равенства, братства, общности имущества, непротвления злу насильем – сделаются столь же естественными и простыми. Жизнепонимание общественное, семейное и государственное пережито людьми, и надо идти вперёд и усвоить следующее, высшее жизнепонимание.

ЖУРНАЛИСТ 2. Какая прекрасная утопия!..

ТОЛСТОЙ. Для вас и сегодня.

ЖУРНАЛИСТ 2. Свобода и новая жизнь добываются в борьбе, жестокой, беспощадной.

ТОЛСТОЙ. Те, которые теперь занимаются агитацией, не знают народа и, несмотря на все их заявления о своей любви к нему, на самом деле очень

мало заботятся о народе и даже презирают его. Народ желает одного – земли. Сознательно или бессознательно, народ знает, что к добру ведёт не оружие и убийство, но духовное просвещение.

ЖУРНАЛИСТ 1. Русский народ сам вряд ли выступил бы против власти. Его подстрекают другие. В основном евреи.

ТОЛСТОЙ. Евреи не имеют тех прав, что имеют другие. Отсюда и задор. Это привлекает на их сторону и русских. Я против черты оседлости, против ограничения в школе. Все, живущие на Земле, имеют право жить там, где хотят. Я за уничтожение всех исключительных законов, касающихся евреев. Эти законы – безобразие! Ограничивать права людей нельзя. И не все евреи революционеры. Недавно был у меня один молодой человек – еврей, который против революции. Хочет отказаться от военной службы. Написал об этом воинскому начальству, что в случае призыва не явится. Теперь едет в Витебск отказываться. Ему, как еврею, будет особенно тяжело. Дал мне свой разбор Нагорной проповеди: превосходные мысли, какие могут быть у двадцатидвухлетнего! Хочу кое-что из этого напечатать.

ЖУРНАЛИСТ 1. Я читал программу социалистов-революционеров. Основа хорошая: признают божественную природу человека; земля, фабрики – народу.

ТОЛСТОЙ. Это всё слова! Вот в чём ложь. Если бы были искренни – слезли бы с плеч народа. Эта их программа – путь славы людской. Самоуверенность и желание власти. А главное – субъективная личная жизнь.

ЖУРНАЛИСТ 2. И всё-таки власть нужна!

ТОЛСТОЙ. Да! Власть над собой. Я давно заметил, что политикой, общественными делами больше всего занимаются люди, у которых дела плохо ведутся. Наделал долгов, надо платить; изменяешь жене, она тебя ругает, – всё это видно, а что делаешь в политике – все последствия этого в будущем. Вот и идут в политику, в Думу.

ЖУРНАЛИСТ 3. Есть опасения, что Думу взорвут. Все депутаты взволнованы.

ТОЛСТОЙ. Думой не кончится, Дума не удовлетворит всех.

ЖУРНАЛИСТ 3. А чем кончится?

ТОЛСТОЙ. Не знаю. Не быть ни на той, ни на другой стороне, а на стороне Бога. Не с правительством бороться, а с собой. Самоусовершенствование на религиозной основе. Только на этом пути благо. Я прямо чувствую, что обязан быть счастливым. Если я несчастлив, то сам виноват. Нам всё дано, чтобы быть счастливыми.

ЖУРНАЛИСТ 1. Вы уже это говорили.

ТОЛСТОЙ. Готов говорить это снова и снова, что и делаю письменно и устно, да видно, плохо говорю, если это не меняет людей.

ЖУРНАЛИСТ 3. Когда кровь рекой – не до высоких материй. Пушки заглушают слабый голос души.

ТОЛСТОЙ. Всё на свете радость или испытание, готовящее радость.

ЖУРНАЛИСТ 3. Не слишком ли тяжёлое испытание? Сколько страданий!

ТОЛСТОЙ. И сколько их ещё будет!.. И всё же: всё на свете радость или испытание, готовящее радость!..

ЖУРНАЛИСТ 2. Свобода – вещь дорогая. Но она стоит того.

Толстой молчит.

ЖУРНАЛИСТ 2. Дума принесёт свободу!

Толстой иронически молчит.

ЖУРНАЛИСТ 3. А Дума – выразитель интересов народа.

ТОЛСТОЙ. Какого народа? В Думе не народ, а триста-четырееста человек, которых там заразят духовным сифилисом. И они уже сильно заражены. Выбирали тех самых, которые уже начали загнивать, которые наполовину уже сгнили. Народу некогда заниматься этими глупостями. И этот народ они душат. Дума комична. Тут никаких представителей народа нет. Представительства народа нигде нет: ни в Америке, ни во Франции. В Англии, Италии, Франции стать депутатом стоит известную сумму денег: ловкие и богатые люди завладевают властью и издают законы.

ЖУРНАЛИСТ 2. Тут и образованные люди ничего не понимают, а уж простой народ тем более.

ТОЛСТОЙ. Я говорил с нашими яснополянскими мужиками и получил ответ: «Да не разберёшь».

ЖУРНАЛИСТ 3. Но кто-то должен народу помочь, разъяснить, что к чему.

ТОЛСТОЙ. Я написал статью – «К правительству, революционерам, народу».

ЖУРНАЛИСТ 1. Народ её не поймёт, а интеллигенция говорит, что при нынешних порядках то, что вы предлагаете, – неосуществимо.

ТОЛСТОЙ. Если остаться при теперешнем государственном порядке, то статья моя не нужна. Я пишу не про настоящее, а пишу о будущем. О том, до чего должен дойти народ в будущем.

ЖУРНАЛИСТ 1. Народ не поймёт.

ТОЛСТОЙ. Не поймёт сегодня, поймёт позже. У Бога времени много. И если бы я мог промолчать... Но не моя, а Его воля. Недавно получил длинную анонимную телеграмму, где меня упрекают в том, что я виновник волнений в России. Хотя во мне ещё и есть остатки сомнений, но это уж слишком!.. То, что теперь делается в России, это комическое интермеццо в серьёзной, грозной драме, которая ещё не началась. Революция в России не кончилась. Огромное государство расшатано, разваливается. Это как бы огромный храм, который разваливается и который надо совершенно развалить по кирпичикам и потом строить новый. Всё это требует очень долгого времени. Может быть, и кирпича не хватит.

ЖУРНАЛИСТ 3. Так, может, лучше оставить то, что есть?

ТОЛСТОЙ. Как нельзя детство вернуть, так и самодержавие. Мы уже выросли до того, что нам не надо ни самодержавия, ни конституции, от которой там, где она есть, лучшие умы уже уходят. Вот вы всё допытываетесь у меня: чего ждать, что будет?... Молодой рабочий из Тулы говорил мне две недели назад, что была сходка в Засеке. Государственная Дума мало, хотя социализма. Вот я и полагаю, что всё разрешится свержением Романовых и провозглашением республики. Но поскольку одни будут хотеть социалистическую республику, а другие – государственную, – будет резня. Из вероятнейших предположений, что будет, будет наполеоновская диктатура Куропаткина или кого ещё... Кончатся все эти смуты тем, что какой-нибудь страшно жестокий человек, которому сто тысяч жизней погубить ничём, – заберёт власть в свои руки и страшной жестокостью прекратит беспорядки.

ЖУРНАЛИСТ 2. И будет новый порядок!

ЖУРНАЛИСТ 3. Но что это будет за порядок?

Пауза.

АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВНА. Наш староста слышал в Туле, что будто 10 ноября собираются громить Ясную Поляну. Хочу поехать к нему, точно ли это?

ТОЛСТОЙ. Не надо... Не надо никуда ехать. Нам надо делать своё дело, а они пусть делают своё. Одно только важно: познание доступной человеку

высшей Истины и подчинение ей своей жизни. Один мой знакомый сапожник отказался платить подати. Ходит в лохмотьях. «Что он, тронулся?» – спросил я у его брата. «Нет, – отвечает, – это он по древности пошёл, для Бога». И мне по древности надо жить для Бога. Говорят: старость, болезни... Да ни за что не отдам и одного дня своей старости, даже с болезнями, за годы глупой, животной молодости. Всё дальше и дальше подвигаясь в старости, я иногда чувствую, какое же это счастье – жить! Жить для Бога...

Входит секретарь.

СЕКРЕТАРЬ. Прошу прощения...

ТОЛСТОЙ. Что там?

СЕКРЕТАРЬ. Вас дожидается архиерей Парфений.

ТОЛСТОЙ. Один?

СЕКРЕТАРЬ. Прибыл в сопровождении полицейских чинов и двух священников, но они остались. Архиерей один.

ТОЛСТОЙ. Проводите его сюда...

Секретарь уходит.

ТОЛСТОЙ (*к журналистам*). Господа, это всё, чем могу быть вам полезен...

Журналисты поспешно откланиваются и уходят.

Занавес

Конец действия первого

Действие второе

Лев Толстой один. Поднимается, разминает ноги. Появляется секретарь, за ним Парфений; Толстой идёт ему навстречу. Парфений первым протягивает руку, Толстой – свою, пожатие, изучающе-испытующе смотря друг на друга, но достаточно коротко.

ПАРФЕНИЙ. Благодарю вас, граф, за предоставленную мне возможность видеть вас и говорить с вами. Для меня это честь.

Идут к двум креслам.

ТОЛСТОЙ. Духовные лица не редкие гости в этом доме. Я получаю много писем от них и всегда бываю тронут добрыми пожеланиями, которые они высказывают в мой адрес.

Парфений удовлетворённо кивает головой.

ТОЛСТОЙ. Но всегда очень жалею, что для меня невозможно, как взлететь, – исполнить их желания.

ПАРФЕНИЙ. Все их побуждения самые благие. Пастырские увещания внушены им самим Господом, которого мы все недостойные слуги.

ТОЛСТОЙ. Я верю, что их побуждения благие, но одно мне неприятно, что все они упрекают меня в том, что я разрушаю верование людей. Тут большое недоразумение, так как вся моя деятельность в этом отношении направлена только на избавление людей от неестественного и губительного состояния

отсутствия всякой, какой бы то ни было, веры. (*Толстой смотрит прямо в лицо Парфения, пауза.*) Позвольте представить вам доказательство сказанного... (*Берёт со столика книжку.*) Это одна из книг «Круга чтения», которые издаёт «Посредник». Вот что тут имеется на 20 января, на день нашей встречи... (*Открывает, жестом предлагает сесть, сам не садится, читает.*) «Христианство устанавливает непосредственное общение человека с Богом». (*Пауза, поднимает кратко глаза на Парфения.*) «Вы спрашиваете, в чём главная сущность характера Христа, Спасителя мира. Я отвечаю, что это его уверенность в величии человеческой души. Иисус смотрел на людей взором, пронизывающим материальную оболочку. В самом низко падшем, развращённом человеке он видел существо, которое могло бы превратиться в ангела света». Разве это не прекрасно?

ПАРФЕНИЙ. Истинно так!

ТОЛСТОЙ. Это сказано Чаннингом. А вот ещё... (*Читает.*) «Ищите не только нравственной жизни, но стремитесь к тому, что выше нравственности». Это – Торо. (*Читает.*) «Бойтесь всего, что становится между вами и Богом – Духом, образ, подобие которого живёт в вашей душе».

ПАРФЕНИЙ. А это чьё?

ТОЛСТОЙ. Автор не указан.

ПАРФЕНИЙ. Может быть, это Лев Толстой?

ТОЛСТОЙ. Не исключено.

ПАРФЕНИЙ. Полагаю, и самое первое изречение «Христианство есть непосредственное общение с Богом» принадлежит тому же автору.

ТОЛСТОЙ. У вас прекрасная память.

ПАРФЕНИЙ. Она далека от идеальной, но и жалоб на неё у меня нет. Сегодня в это хранилище попало и слышанное мною сейчас из ваших уст. «Бойтесь всего, что становится между вами и Богом», – говорите вы. Вы сильный человек. Вы готовы и можете обращаться к Нему непосредственно. Но есть и другие, которые не могут сами. Которым нужна помощь. И эта помощь – Церковь. А остальные нуждаются в помощи. И мы её оказываем с Божьей помощью. Вы говорите, что стремитесь помочь людям обрести истинную веру, а получается наоборот... Вы лишаете их привычной, передаваемой из поколения в поколение, веры. Вы, может быть, искренно желаете созидать, а разрушаете.

Толстой всё это время спокойно смотрел в лицо Парфения.

ПАРФЕНИЙ. Благими намерениями вымощена дорога в ад.

ТОЛСТОЙ. Не судите, да не судимы будете. И не пугайте... Я уже в том возрасте и в том состоянии души, когда ничего не боюсь.

ПАРФЕНИЙ. И Бога?

ТОЛСТОЙ. В моём понимании Бог есть любовь. Как же мне его бояться?!

ПАРФЕНИЙ. Нет, граф, я не сужу и не пугаю... Я только сожалею о тех, кого вы направили не по тому пути. И вашей души мне жаль. Ведь однажды Господь призывает всех нас на свой суд.

ТОЛСТОЙ. Помню об этом всегда и жду без страха и угрызений совести. А есть у меня к вам просьба.

ПАРФЕНИЙ. К вашим услугам...

ТОЛСТОЙ. Пишу я сейчас одну вещь... об иеромонахе... и мне нужны некоторые подробности из монастырской жизни...

ПАРФЕНИЙ. Какие именно? Прошу вас...

Толстой идёт к авансцене; появляется Софья Андреевна, которая обращается к Парфению.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Есть один вопрос, который меня очень волнует...

ПАРФЕНИЙ. Слушаю вас, графиня.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Одному Богу ведомо, кто когда оставит этот мир, но возраст есть возраст. Льву Николаевичу почти восемьдесят, и он часто болеет. Я каждый день молю Господа продлить его дни. Но когда всё же это случится, можно ли будет похоронить Льва Николаевича по-христиански?

ПАРФЕНИЙ. Боюсь огорчить вас, графиня, но постановление Святейшего синода остаётся в силе. К сожалению, великому сожалению, Льва Николаевича нельзя будет похоронить по церковному обряду. Ни один священник не решится на это. Да и зная вас как добрую православную христианку, уверен, что и вы не сможете совершить противное Богу и нашей Церкви.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*вздыхает тяжело*). Что же делать?

ПАРФЕНИЙ. Уповаю на Господа нашего. На его безграничную милость. (*Подает ей руку, которую Софья Андреевна целует.*) Прощайте!.. (*Уходит, но останавливается, поворачивается к Софье Андреевне.*) А всё-таки, графиня, известите меня, если Лев Николаевич опасно заболит. (*Едва заметный поклон головой, уходит.*)

ТОЛСТОЙ. Я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Он, очевидно, желал бы обратиться ко мне. Если не обратиться, то уничтожить, уменьшить моё, по их мнению – зловерное влияние на веру и Церковь. Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я покаяться перед смертью. Поэтому заявляю, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому всё, что будут говорить о моём предсмертном покаянии и причастии – ложь. Говорю это потому, что есть люди, для которых, по их религиозному пониманию, причастие есть некоторый религиозный акт, то есть проявление стремления к Богу. Для меня всякое такое внешнее действие, как причастие, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от Бога. Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло. (*Пауза.*) У меня горячая любовь к Ламеннэ. Фелисите Роббер де Ламеннэ. Он был священником, а перешёл на искание Истины и правды жизни. Его хотели перед смертью принудить помириться с католичеством, чтобы причастился. Так он попросил племянницу, чтобы, когда он будет при смерти, она от него не отходила и не допустила к нему священников. А уж совсем умирая, сказал: «Ах, какая счастливая минута!» И мне бы так!.. Господи! (*Складывает молитвенно руки, закрывает глаза.*) Моё понимание Евангелия и учения Христа я, как умел, изложил в моих писаниях. Приезд ко мне всегда очень стесняет меня сознанием того разочарования, которое должен испытывать приехавший. Это только кажется, что я какой-то особенный человек, а ведь я-то себя знаю, и знаю, как самого жалкого, плохого человека. Нет такой гадости, какой я не мог бы сделать. И потому не надо ко мне приезжать. И что-то спрашивать у меня.

Врывается возбуждённая Софья Андреевна.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (*держит в руках тетрадь*). Ты пишешь, что я мучительница, с которой надо бороться. С чем во мне ты хочешь бороться? С чем? Скажи!

Толстой с болью и жалостью смотрит на неё.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Ну, и что же ты молчишь? С чем во мне надо бороться великому Льву Толстому?

ТОЛСТОЙ. Соня, я прошу тебя, оставь меня в покое. Неужели мне не дано перед смертью прожить хоть год, хоть месяц свойственной мне жизнью, вне той лжи, в которой я не только живу, но участвую и утопаю. Мне не нужны земли, деньги, роскошь... Мне нужен покой. Только покой. И мне, и тебе. Мы старые люди.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что же делать?

ТОЛСТОЙ. Уехать!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Уехать?

ТОЛСТОЙ. Да, уехать! Бросить всё!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Бросить Ясную Поляну? Ты это сможешь?

ТОЛСТОЙ. Всё! И Ясную Поляну! Не жить здесь! Не видеть нищих, стражников, которые ловят крестьян за порубку деревьев, не видеть обслуживающих нас лакеев, просителей, посетителей – всё это для меня ужасно!.. Невыносимо!.. И всё это усиливается твоим непониманием.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Куда же нам, старикам, ехать?

ТОЛСТОЙ *(почти крик)*. Куда угодно! Куда угодно! Куда угодно! В Париж, в Ялту, в Одоев... Куда захочешь... Только бы вырваться из этой позорной жизни. Из этой лжи.

Софья Андреевна уходит. Толстой в задумчивости.

ТОЛСТОЙ. Как комично то положение, в котором я живу, в котором без ложной скромности вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с этим – борьба и участие в женских капризах, которым посвящаю большую часть времени. Чувствую себя в деле нравственного совершенствования совсем мальчишкой, учеником, и учеником плохим, мало усердным. *(Пауза.)* Я плох... и плохо прожил, не умел, не осилил устроить жизнь хорошо. Но если ясно понял так, как, мне кажется, другие не понимают, всё зло – ошибки жизни, как же мне хоть в уплату за свою дурную жизнь не сказать этого? Может быть, кому-нибудь и пригодится. *(Задумывается.)*

Входит дочь Саша.

САША. Это я, папа. Ты спал?

ТОЛСТОЙ. Нет, Сашенька. Я сижу и мечтаю...

САША. Если не секрет, о чём?

ТОЛСТОЙ. Для тебя не секрет. Я мечтаю о том, как я уйду.

САША. И я с тобой! Я здесь без тебя не останусь.

ТОЛСТОЙ. Конечно! Конечно! Но позволит ли тебе здоровье? Начнутся насморки, кашель...

САША. Нет, нет! Это ничего. Мне будет гораздо лучше в простой обстановке.

ТОЛСТОЙ. Если так, то мне-то самое приятное, самое естественное иметь тебя около себя, как всегдашнюю помощницу.

САША. Это будет прекрасно, папа! Наконец-то ты сможешь жить так, как хочешь. Но я не хотела бы тебя стеснять. Сначала ты один, а потом я к тебе...

ТОЛСТОЙ. Я думаю сделать так. Взять билет до Москвы. Кого-нибудь посылать с вещами в Лаптево и самому там слезть. Если там меня найдут, поеду ещё куда-нибудь!.. Россия большая!.. *(Вдыхает.)* Ну да, наверное, всё это мечты.

САША. Почему? Почему только мечты?

ТОЛСТОЙ. Потому что нас с мама связывает огромная жизнь.

САША. Но она же мучает тебя, она убьёт тебя!

ТОЛСТОЙ. И сама мучается и страдает!.. И я буду мучиться, если брошу её!.. (Пауза.) А с другой стороны, так тяжела эта обстановка! И с каждым днём всё тяжелее и тяжелее. Я даже от себя скрываю... но тебе признаюсь... (Пауза, смотрит на дверь и почти шёпотом.) Я жду только какого-нибудь повода, чтобы уйти. Мне стыдно, больно говорить это тебе, моей дочери, о её матери, но это так... Я только жду, чтобы она подала повод...

На сцену выходит Софья Андреевна с письмом в руках.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА (читает). «Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение моё в доме стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни. Большинство уходят в монастыри. И я ушёл бы в монастырь, если бы верил тому, чему верят в монастырях. Не веря же так, я ухожу просто в уединение. Мне необходимо быть одному, в тиши и уединении прожить последние дни. Пожалуйста, пойми это и не езди за мной, если узнаешь, где я. Такой твой приезд только ухудшит твоё и моё положение, но не изменит моего решения». (Повторяет.) Не изменит моего решения... «Благодарю тебя за твою честную сорокавосемилетнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всём, чем я был виноват перед тобой, так же, как и я от всей души прощаю тебя во всём том, чем ты могла быть виновата передо мной. Советую тебе помириться с тем новым положением, в которое ставит тебя мой отъезд, и не иметь против меня недоброго чувства. Если захочешь что сообщить мне, передай Саше, она будет знать, где я. Сказать же о том, где я, она не может, потому что я взял с неё обещание не говорить этого никому. Лев Толстой». (Поднимает лицо, которое выражает недоумение, снова смотрит в письмо.) Лев Толстой. Лев Толстой!.. (Нервный смех.) Сказать, где он, она не может... Не скажет... Как же я без него?.. (Идёт, ускоряя шаги, разрывая ворот платья.) Как же я?.. А я?.. Как же мне жить?! (Убегает.)

Музыка.

Появляются прохожие, их всё больше, Софья Андреевна бежит сквозь них, они поглощают её. Уже толпа, голоса: «Последние известия! Последние известия! Граф Толстой ушёл из Ясной Поляны. Его местонахождение неизвестно!.. Покупайте газеты!» Другой голос: «Новости! Новости!.. Великий Лев Толстой покинул своё родовое имение и скрылся в неизвестном направлении!.. Покупайте свежий номер!» Третий голос: «Трагедия в Ясной Поляне! Жена Льва Толстого, графиня Толстая утопилась! Графиня Толстая утопилась! Спешите приобрести свежий номер!..»

ПРОХОЖИЙ 1 (останавливая газетчика). Как утопилась?

ГАЗЕТЧИК. Совсем! Насмерть! (Кричит.) Покупайте «Утро России!» Графиня Толстая утопилась в пруду Ясной Поляны!

ПРОХОЖИЙ 2. Утопилась, но не совсем... вытащили. Жива.

К ним подходят другие прохожие.

ПРОХОЖАЯ, пожилая дама. А почему утопилась-то?

ПРОХОЖИЙ 2. Муж ушёл!

ПРОХОЖАЯ. Совсем ушёл?

ПРОХОЖИЙ 2. Совсем ушёл!

ПРОХОЖАЯ. А куда же он ушёл, к другой, что ли?

ПРОХОЖИЙ 2. Никто не знает, куда.

ПРОХОЖИЙ 3. С жиру бесятся. Мне бы так жить!
ПРОХОЖИЙ 2. Каждому своё! О чём один мечтает, другому хуже каторги!
Верно, невмоготу стало, вот и ушёл...
ПРОХОЖИЙ 4. Наконец-то решился!.. А то других учит, а сам барствовал...
Всё-таки ушёл. Видать, совесть замучила.
ПРОХОЖИЙ 5. Да надолго ли хватит?
ПРОХОЖИЙ 6. Далеко не уйдёт.
ПРОХОЖИЙ 5. Проголодается и вернётся!
ПРОХОЖИЙ 6. Точно так! Вернётся! Граф и есть граф.
ПРОХОЖИЙ 4. Да... Собирался, собирался и собрался.
ПРОХОЖАЯ. Да не поздно ли?
ПРОХОЖИЙ 4. Лучше поздно, чем никогда.
ПРОХОЖИЙ 2. Бывают ситуации, когда лучше никогда, чем поздно. Похоже, это один из тех случаев.
ПРОХОЖАЯ. Бедный, бедный старик!.. В промозглую холодную ночь. Ведь заболит, непременно заболит, а там и помереть недолго.
ПРОХОЖИЙ 4. А может, затем и ушёл?..

Сцена поворачивается.

САВИЦКИЙ. Ротмистр Савицкий прибыл в ваше распоряжение.
ХАРЛАМОВ. Вы знаете, кто я?
САВИЦКИЙ. Так точно, Ваше благородие!
ХАРЛАМОВ. Когда же граф сошёл в Астапово?
САВИЦКИЙ. Вечером тридцать первого октября.
ХАРЛАМОВ. А убыл граф из Ясной Поляны ранним утром двадцать восьмого?
САВИЦКИЙ. Так точно-с.
ХАРЛАМОВ. И они сразу поехали на станцию?
САВИЦКИЙ. Точно-с так.
ХАРЛАМОВ. И сразу сели в поезд?
САВИЦКИЙ. Верно-с.
ХАРЛАМОВ. Что же они до Астапово ехали почти четверо суток?
САВИЦКИЙ. Никак нет! Граф сначала сошли на станции «Козельск» и отправились в Оптину Пустынь, где переночевали, а после этого поехали на лошадях в Шамординский женский монастырь, где монахиней их сестра Мария Львовна, по мужу Оболенская. Из Шамордина выбыли в четыре утра тридцать первого, очень поспешно, не простившись даже с сестрой своей.
ХАРЛАМОВ. Что ещё?
САВИЦКИЙ. Вчера был игумен Варсонофий, прислан Святейшим синодом, чтобы повидаться с графом Толстым и убедить его, пока не поздно, покаяться и вернуться в лоно православной церкви.
ХАРЛАМОВ. И что?
САВИЦКИЙ. Ему ответили, что серьёзность состояния графа пока не позволяет никаких свиданий с графом.
ХАРЛАМОВ. Состояние действительно серьёзное?
САВИЦКИЙ. Весьма!
ХАРЛАМОВ. Что ещё?
САВИЦКИЙ. Четвёртого была телеграмма от митрополита Антония на имя графа Льва Николаевича Толстого. «С самого первого момента Вашего разрыва с церковью и непрестанно молился и молюсь, чтобы Господь возвратил Вас к церкви. Быть может, Он скоро позовёт Вас на суд свой, и я Вас, больного, теперь умоляю, примиритесь с церковью и православным русским народом. Благослови и храни Вас Господь. Митрополит Антоний».

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Что вы от меня хотите?

ВАРСОНОФИЙ. Как я уже говорил вам, графиня, я послан сюда Святейшим синодом. Но скажу вам по секрету... Это желание исходит от Его Императорского Величества.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Я когда-то была у него... Воспитанный человек... А Лёвочка его не любил... Я устала... *(Хочет подняться, но Варсонофий продолжает с ещё большей активностью.)*

ВАРСОНОФИЙ. Графиня, вы должны помочь мне попасть к графу. Сейчас это самое важное для него и для всех нас. Пока не поздно! Времени совсем нет! *(Почти трясёт её.)* Вы понимаете меня? Речь идёт о его душе! Понимаете?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(испуганно)*. Что вы от меня хотите?

ВАРСОНОФИЙ. Помогите мне увидеть вашего мужа хоть на пять минут! Хоть на минуту!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Но это невозможно!

ВАРСОНОФИЙ. Почему?

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Он не раз говорил и писал, чтобы, когда он будет умирать, к нему не допускали представителей церкви.

ВАРСОНОФИЙ *(горячо)*. Всё это было в другой жизни, а теперь: вот она – смерть! И вот он – Бог, который ждёт и взывает! Есть ещё время покаяться и причаститься. *(Софья Андреевна безучастна, но Варсонофий грубо её встряхивает.)* И вы как жена и как добрая христианка должны ему помочь. Ему и себе. Ведь этот грех и на вас ляжет! И на вас!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(испуганно)*. Что вы от меня хотите?

ВАРСОНОФИЙ. Помогите мне проникнуть к вашему мужу! Сейчас же!

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Но как? Меня саму не пускают. Меня, самого близкого человека!.. Пятьдесят лет... Изю дня в день... И не пускают. И кто?.. Дочь... Видно, Богу не угодно...

ВАРСОНОФИЙ *(почти зло трясёт Софью Андреевну за плечи)*. Не может быть Богу угодно, чтобы граф Толстой умер, не покаявшись! Не может! Так не должно быть! Он не может уйти победителем. Не может! Не должен! *(Трясёт Софью Андреевну.)*

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА *(испуганно плачет)*. Что вы от меня хотите? За что?.. Я так устала!..

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Сего числа, в шесть часов пять минут утра на станции «Астапово» Рязанско-Уральской дороги скончался на восемьдесят третьем году жизни граф Лев Николаевич Толстой. О чём приемлю долг всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству. Статс-секретарь Столыпин.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ну, вот всё и кончено!

ВАРСОНОФИЙ. Да. Ушёл без покаяния и примирения. Погибла душа, погибла... *(Крестится.)*

КОРРЕСПОНДЕНТ. И что же вы теперь?

ВАРСОНОФИЙ. Я уезжаю. Моя миссия окончена. Я был здесь, как солдат на посту. Теперь поеду к себе, а может, в Петербург для доклада, если вызовут.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А будут ли разрешены панихиды по Толстому?

ВАРСОНОФИЙ. Это мне не известно. Послан запрос синоду. А будет ли ответ и какой – не ведаю. Да, Лев Николаевич, Лев Николаевич... Ушёл! Всё-таки ушёл!.. Не выгорело наше дельце...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я был там, где свершился последний акт жизни великого человека. Я стоял у кровати, где на двух небольших подушках голова Толстого, та голова, которая столько передумала возвышенного и прекрасного

для мира, для человека! Хотелось упасть на колени, зарыдать, как сын рыдает, когда дорогой его отец-друг умирает, как рыдает ученик, когда погасает его лучший учитель. Прощай, великий человек! Прощай ты, что десятилетия был живой совестью России, Мира! У русского народа стало одной святыней больше. Не зарастёт народная тропа к этому красному домику. Россия должна приобрести на свои народные деньги этот дом! Оберегать его! Это твой первый из многих и многих долгов перед лучшим твоим сыном, Россия!

ЛЕНИН. Умер Лев Толстой. Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слёзы, уверяя в своём уважении к великому писателю и в то же время защищая Святейший синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой раскаялся. Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше! Этот подвиг зачтётся ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе, с тёмными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки. Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделиваются теми пустыми, казённо-либеральными, избито-профессорскими фразами, за которые так бичевал Толстой, и справедливо бичевал, буржуазную науку. Они не могут высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную земельную собственность, на капитализм, не потому, что мешает цензура, а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощёчина буржуазно-либерализму. Потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени бьёт в лицо шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой «цивилизованной» лжи нашей либеральной публицистики. Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия. Слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берёт и над этим наследством работает русский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной собственности на землю, но не для того, чтобы массы ограничились самоусовершенствованием и вздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению.

Картина Н. Ге «Что есть истина?»

ТОЛСТОЙ. Не делай другим того, чего себе не хочешь, – вот религиозно-нравственный закон, который для всех людей один и тот же. И казалось бы, так просто, так естественно, так свойственно разумному существу – человеку руководствоваться в своей короткой, всякую минуту могущей быть оборванной, жизни этим общим религиозно-нравственным законом. Но нет... люди придумывают себе какие кому более нравятся цели: кто государственные, кто патристические, кто социалистические, кто коммунистические, кто анархические, и вместо исполнения своего истинного назначения и приобретения предназначенного всем блага, направляют все силы свои на устройство жизни других людей и иные только не достигают ожидаемого результата, но достигают всё большего и большего упадка нравственности и всё большего ухудшения своей жизни. Все войны, все казни, все революции, всё ограбление трудящихся нетрудящимися, все общественные бедствия зиждутся только на этом суеверии. Да, люди нашего, так называемого христианского мира, живут только суевериями: суеверие церковью, суеверие государства, суеверие науки,

суеверие устроительства, суеверие патриотизма, суеверие искусства, суеверие прогресса, суеверие социализма. У нас есть прогресс, эволюция, теория атомов, эфир, радий. Мы не только делаем шестьдесят километров в час, но перелетели через Альпы, ездим под водой, синематограф, телефоны, граммофоны, беспроволочный телеграф. Чего же ещё? Ну а что есть миллиардеры, не знающие, куда поместить свои капиталы, и миллионы безработных, и тринадцать миллиардов ежегодно тратится на вооружения, и миллионы людей стоят под ружьём, всё это не важно, потому что всё это устраняется тем социализмом и конгрессами мира, которыми мы усердно занимаемся. Какая же тут религия?! «Вы слышали, что сказано: «Око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую». «Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». В Нагорной проповеди выражены Христом и вечный идеал, к которому свойственно стремиться людям, и та степень его достижения, которая уже может быть в наше время достигнута людьми. Важно не количество отказавшихся от участия в насилии людей, а важно то, во имя чего отказываются. Один отказавшийся несравненно могущественнее всех тех миллионов людей, которые будут мучить, держать в тюрьме, казнить этого одного отказавшегося. И поступок его значительнее, богаче последствиями всех возможных парламентских речей, конгрессов мира, социализма, всех этих забав и средств скрывания истины от других и от себя.

Пауза. Затем появляются картины Ге «Что есть истина?» и «Распятие». Музыка.

ТОЛСТОЙ. Как снов мы переживаем тысячи в этой нашей жизни, так и эта наша жизнь есть одна из тысячи таких жизней, в которые мы вступаем из той, более действительной, реальной, настоящей жизни, из которой мы выходим, вступая в эту жизнь, и возвращаемся, умирая. Наша жизнь – есть один из снов той, более настоящей жизни. Но и та, более настоящая жизнь – есть только один из снов другой, ещё более настоящей жизни и так далее, до бесконечности, до одной последней настоящей жизни – жизни Бога.

Пауза. Толстой поворачивается и медленно уходит в проём между двумя картинами. Музыка, полумрак, в котором светятся две картины.

Занавес

Оксана Койсина

Явление

<http://www.proza.ru/2009/04/05/225>

Ангел опустился к ней на колени легко и плавно. Он нежно коснулся своим крылом её лица, медленно провёл им по изгибу тонкой шеи с голубоватым отливом кожи и спустился вниз по руке. Когда мягкие, пушистые его перья коснулись кончиков её пальцев, она очнулась, нехотя открывая глаза. Её взору открылось спокойное, безмятежное море в переливах заката. Снизу вверх поднялась струя воздуха, слегка толкнув кресло-качалку и чуть приподняв тонкую, прозрачную ткань юбки. Как будто вспорхнула лёгкая птица, сидевшая у её ног. И снова тишина. Море молчало. Если бы не едва заметное течение розовых кораблей-облаков, напоминающих о вечном, непрестанном движении земного шара, то можно было бы представить себя сидящей в огромной картинной галерее перед панорамой гениального художника.

– Ах, как жаль, что я так и не научилась искусству изображения. Хотя всё равно – никакой в мире мастер кисти не сможет отобразить на холсте всё бесконечное великолепие матушки-природы. Немыслимо даже соревноваться с ней.

Мягкие каштановые волосы, собранные на затылке янтарным крабиком, вдруг неожиданно для девушки рассыпались по плечам непослушными локонами. От неожиданности она вздрогнула и резко повернулась. Позади кресла-качалки стоял незнакомец в белоснежной рубашке и мило улыбался ей, всем своим видом показывая своё расположение и симпатию. А она-то думала, что совсем одна на этом маленьком зелёном острове.

И совсем не было страшно. Просто непонятно, кто он такой и откуда здесь появился. Молодой человек с невинным взором и золотистыми кудрями в отблесках последних лучей заходящего солнца внушал доверие. Своим появлением он никак не нарушил царствующий вокруг покой, а, скорее наоборот, добавил каплю умиротворения и благодати. Кажется, только его и не хватало для завершения картины.

– Кто вы? – почти полушёпотом, чтобы не нарушить идиллию, с интересом спросила она, заглядывая в его лазурные глаза, как будто именно в них таился ответ.

Он ласково сдул с её щеки ресницу и робким извиняющимся голосом сказал:

– Я – Ангел, твой Ангел. Прости, что появился так неожиданно. Но ты так прекрасна и в сердце твоём столько любви, что я позволил себе совершить недопустимый для Ангела поступок. Я взял немного твоей силы, чтобы стать

видимым для тебя. Ведь такие сущности, как мы, созданы из эфира, а он прозрачен, как воздух в ясный солнечный день. Но не волнуйся, взамен я подарил тебе немного своей тонкости, чтобы хоть чуть-чуть приблизить тебя к своему миру – миру, где обитают такие эфемерные существа, как я. Ты скоро всё сама увидишь...

Она смотрела на него со смешанным чувством удивления, замешательства, интереса и недоверия. Как это вообще возможно? Ангел! Является? Мне? Странно! Что я такого сделала? Не пойму. Нет, это, наверное, ещё продолжается сон. Я сплю, и всё это мне снится. Сейчас я открою глаза, и никого не будет. Это просто красивая сказка во сне.

Она открыла глаза и ахнула. Навстречу огненно-красному полудиску, ступая босыми ногами по жёлтому песку, удалялся от неё тот, с кем она разговаривала минуту назад. Теперь она могла убедиться, что он не врал. При каждом шаге на спине его покачивались два опущенных снежно-белых крыла.

Щемящий крик вырвался из её груди:

– Постой!!! Не уходи. Я верю тебе.

Она вскочила и побежала за ним, не замечая, как раскалённый, нагретый за день песок обжигает ей стопы. И только когда прохладная морская вода коснулась её лодыжек, он повернулся к ней лицом. Теперь силуэт его был очерчен сиянием последних лучей почти что утонувшего в море солнца, и глазам было больно от слепящего отражения водной глади.

Глаза Ангела были грустны.

– Мне пора уходить. Ты чуть-чуть опоздала. Если бы ты сразу поверила мне, я бы остался с тобой до утра и был бы с тобой столько, сколько бы ты пожелала. Я могу быть рядом с человеком, пока он верит в меня. Из твоего сна я пришёл к тебе в реальность. Прости, что потревожил твой сон. Я должен идти. Но запомни: сила моя – в твоей вере.

С этими словами очертания стоявшего на прозрачных водах крылатого создания растаяли, растворились, забирая последние светлые лучи. И в тот же миг всё вокруг потемнело. Изменило свой цвет море, превратившись в холодную равнину. Откуда-то с берега примчался промозглый ветер. Кожа девушки вместе с поверхностью прибрежной полосы покрылась мелкой рябью. Она поторопилась выйти из воды, машинально потирая ладонями рук озябшие плечи. Проходя мимо одиноко стоявшего на пляже кресла-качалки и стягивая с него лёгкий бежевый палантин, она обернулась и последним прощальным взором окинула западное побережье острова. Маленькое белое пёрышко промелькнуло мимо её глаз и тихо опустилось к стопам, мягким пухом поглаживая пальцы ног.

Закутавшись в широкий, ещё хранящий тепло дня палантин, она неторопливо пошла к дому, согревая в своих ладонях нежное доказательство своей сегодняшней сказки. Когда дом спрятал её за своей дверью, сумерки поглотили остров.

Ales

Дина Зимина

Санкт-Петербурга

Половинка разговора

Привет, это я! Узнала? Да не говори, сам удивился, что нашёл твой номер! Слушай, я тоже безумно рад с тобой говорить! Столько времени прошло! Расскажи мне, как твои дела. Правда? Ничего себе! Да-а-а-а, Саш, не перестаёшь удивлять... и восхищать! Всегда могла поступить как-то по-своему, не как все! Я серьёзно. И твоё мнение было всегда для меня важным. Оно у тебя какое-то... особое...

Прежде всего, знаешь, мне очень жаль, что у нас с тобой так вышло. Да, я уверен, что хочу снова говорить об этом. Я хочу попросить у тебя прощения. Может быть, но сам я себя не простил. Да, я бы предпочёл, чтобы этого не было в моей жизни. Я поступил с тобой жестоко, да что там – просто подло поступил. И вот теперь прошу прощения. Хорошо, спасибо.

Как мои дела? Да вот, хотел рассказать тебе. Фигово мне, Санька, давно так фигово не было. В чём дело-то? Да бросили меня, сказали, что не любят, – и ушли. Да, она, ты ведь её помнишь. Да я тоже думал, что всё хорошо. А она ушла. Даже не попыталась ничего объяснить. Сказала, что не любит, – и всё. Ну и что, что сказала? Этого недостаточно. Она должна была объяснить! Что значит «никто никому ничего не должен»? У меня вот были перед ней обязательства: я ей и то, и это... У нас отношения были долгие, а тут вдруг такое... да, не вдруг, конечно, ты, как всегда, права! Конечно, я смутно чувствовал, что что-то не так. Заговорить пытался, а она – «всё нормально». Что я мог сделать? И понять пытался! Только она чушь какую-то несла, я ей так и сказал. Женщины – они вообще странные существа! То есть не все, конечно! Ты к таким не относишься! Нет, ну ты скажи, я прав или не прав? Я ей сказал, что... а она мне, представляешь, говорит, что... И такое не в первый раз! Я долго терпел, честно терпел, а потом не выдержал, да и сорвался! Сколько можно, в конце концов! Что? Да понимаю, не надо было терпеть, надо было всё сразу высказать! Всё, что я думаю об её этих дурацких привычках. Но я ведь любил её, столько всего для неё сделал. Хочется хоть какой-то благодарности. Ты не представляешь: я полюбил, я! По-настоящему, представляешь?! Ты хоть понимаешь, что это такое – любовь?! Что значит «тогда»? Тогда всё было по-другому, ведь у нас с тобой никаких отношений... Я же ничего тебе не обещал, да и тебя никто не заставлял... Да, я извинился перед тобой, да, я жалею, что я тогда... Послушай, при чём тут твои чувства? Мы сейчас обо мне говорим. Она же мне столько нежных слов сказала: что любит, жить без меня не может; бегала, прыгала вокруг меня, а потом как-то всё понеслось... Сначала сторониться меня как-то начала, потом... эх, да что говорить-то теперь...

А, ты об этом? Пару раз – да, изменил. Так ведь она об этом не знала! Уверен! А если бы и знала – зачем молчать? Сказала бы мне, сцену там устроила, покричала. А она вот так – молчком. Что значит «бывает»? Надо сразу всё говорить, зачем терпеть? Странная у вас, женщины, логика всё-таки...

А, ладно! Даст Бог – свидимся. Мне это, видать, наказание. Хотя... не знаю, за что мне в наказание ТАКУЮ женщину полюбить довелось...

Нет, ты всё-таки чудесная. Спасибо, что выслушала, а то я уже думал – свихнусь. Я ведь знаю, что к тебе всегда обратиться можно. Всегда поможешь. Уф-ф, полегчало.

Кстати, я твои последние фотки посмотрел – ничуть не меняешься! Даже ещё красивее стала! Да не за что, правду говорю! Я тебе звонил с год назад, да у тебя дома никто трубку не брал, а мобильный твой я потерял. В больнице?! Надеюсь, ничего серьёзного... Нервный срыв? Из-за чего? Брось, Санька, не стоит вся эта любовь-морковь таких переживаний! Да-а-а, а я тогда как раз начал встречаться с ней. Мне тогда ни до кого и ни до чего не было дела. А ты была в больнице, подумать только! Сейчас-то, надеюсь, всё нормально? Ну и хорошо.

Послушай, может, встретимся, а? Да где хочешь! Посидим, кофе попьём, вспомним лучшие времена, а? Фильмец какой-нибудь посмотрим. Нет, не в кино, зачем? У тебя дома. Ты всё там же живёшь?

А почему нет? Почему не хочешь? Нет, в городе я не хочу. Потому что устал, потому что... – да просто не хочу! А почему не у тебя? Попьём пивка, а утром я пораньше встану и уеду. Ты принципиально не хочешь? Не можешь? У тебя есть кто-то? Нет, мне просто интересно. Ну не хочешь – не говори... Да нет у тебя никого, а если и есть – тебя это останавливает?.. Эй, погоди, не вешай трубку!

Чёрт. Странные вы всё-таки, женщины...

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

Павел Пусеп «Тонкости отношений мужчины и женщины»

Анатомически женщины и мужчины устроены совсем по-разному, однако прекрасно подходят друг для друга. Мало того, все от этой разницы получают удовольствие! (Павел Пусеп).

Пусеп, Павел Викторович

Тонкости отношений мужчины и женщины: [Приложение к журналу «МОСТ»] / П.В. Пусеп. – СПб.: Век искусства, 2008. – 128 с. ISSN 1991-7023.

По вопросам приобретения пишите: lado_d@mail.ru.
Или звоните: 8921-388-79-25 (Санкт-Петербург).

Надежда [Лора Леандерс] Плахута

Родилась в семье музыкантов в Москве, где живу и сейчас. Сколько себя помню, столько пишу стихи. С пятнадцати лет занималась в литературной студии «Луч» (при московском университете) у её бессменного руководителя Игоря Волгина. Запомнились бурные обсуждения нашего стихотворчества и зажигательные речи вундеркинда Дмитрия Быкова... и подспудное ожидание новой поэтической волны, её свежего дыхания, обновления, счастливая и наэлектризованная эмоциями атмосфера «летучек», какой я потом уже нигде не встречала...

В литературу соваться было страшновато... Маститые поэты советовали писать о комсомоле и БАМе. Не получалось, а если честно, то даже и не пробовала.

Пошла по проторённой дорожке, поступив в музучилище при консерватории. Дирижировала, писала стихи... Пела, тоже писала, хоть на полях, хоть где... Работала по специальности. Сочиняла музыку, тексты, поставила с детьми свой спектакль. Родила сына, как оказалось впоследствии – тоже музыканта и композитора... Осталась одна. Было непросто. Поверила в Бога! Покрестилась. К этому периоду относится цикл о Душе и России...

Потом жизнь закрутила и отнесла меня куда-то в сторону эзотерики и прикладной психологии. Много лет консультативной практики и разработанный авторский метод работы. Стихи рождались и угасали... А я даже не думала их кому-нибудь предложить... Рождение дочери в корне изменило и меня, и мою жизнь. Ушла из прежней профессии. Как из рога изобилия посыпались стихи, сказки-фэнтези, сценарии и даже литературно-музыкальные проекты. Стихотворный ритм сам собою ложился на музыку, а музыка складывалась во что-то, синтезирующее весь прошлый опыт! Неожиданно для самой себя я взяла в руки кисть, краски... и поющие стихи обрели новую... визуальную форму...

Так я и живу с тех пор, как в мою жизнь вошло счастье творчества... Поверьте, ради этого стоит жить!!!

* * *

Снизойдёт весна, как милость,
Как всегда, без опоздания...
Так когда-то появилось,
Проявляясь, МИРОЗДАНЬЕ!

* * *

В поиске вечного смысла,
В поиске лучших идей,
Вместе сливаются мысли...
Трудно ваяются мысли...
Самых прекрасных людей!

И, возвращаясь из высей
Снова на круги своя,
Как архитекторы, мысли,
Чьи-то прекрасные МЫСЛИ
Нас начинают ваять...

ИЗ ЦИКЛА «О РОССИИ»

...У меня был дом – Россия...

У меня был дом – Россия!
Дом родной, а значит – отчий...
Только вера не всеильна,
Коль отца заменит отчим...

Если матерью природа,
А не та, что жизнь давала...
Если не было мне сроду
Ни приюта, ни привала...

Если шли мы эшелонам,
Эскадронам, эскадрильей,
По неписаным законам,
В шаг с машиной семимильной...

В поступь века революций,
Войн без меры и пощады,
От салютов и нагурций
В вой сирен под баррикады...

В холод... в нищету... в гестапо...
В голод... в темноту... в подонство...
В тюрьмы, ссылки и этапы,
В чьё-то подлое господство...

Что мы сделали с Россией?
С ЖИЗНЬЮ, с ВЕРОЮ, с МОРАЛЬЮ?
Мы... которые просили,
Мы – которые карали?!

Мы – с распухшими губами,
Мы – с закрытыми глазами
Себе руки повязали,
Друг о друга бились лбами!

Что мы сделали с ЛЮБОВЬЮ?
С чёрной пашней, с белой солью?
С нашим МОЛОТОМ и ХЛЕБОМ,
С нашим ЗОЛОТОМ и НЕБОМ?

– Боже, Господи, помилуй! –
Так, не веруя, кричали...
Как когда-то в изначалье
В сердце Родины любимой!

К незнакомым древним ликам
От отчаянья склоняясь,
В горле Родины ВЕЛИКОЙ
Комом... Каясь... Каясь... Каясь...

Предначертание

И хоть костями прошлых поединков
Юдоль земная осеменена,
На головы воинствующих инков
Санскритские прольются письмена!

Хоть БОЖЬЕ ЗНАМЯ и не всем доступно,
Хоть каждому положен свой предел,
Мы чувствуем космически... подспудно,
Как души устают от грешных тел...

Всё реже лес, ожесточённой души,
Снега – черней... а океан – полней,
Луна – мертвей и безотрадней суша,
Как предрекал Лука... или Матфей...

Как было нам дано спервоначала,
Когда... предначертаний не поняв,
Земля, перемешав и сон, и явь,
Рвалась... скрипела на осях, кричала!!!

Пила отраву, горечью дышала,
Блудила в тёмном хаосе ночи,
И откровенье вновь с грехом мешала,
И задувала огонёк свечи...

А после, в час жестокого прозренья
Раскрыв глаза, как раны недр своих,
Метала громы, молнии, знаменья
В сердца людские... из сердец людских...

Она опять и плакала... и пела...
Метаясь в истерическом огне,
Но это нисходило ЗЛО на нет,
Но это кровь нечистая кипела...

Но это муки смерти и рожденья,
Но это всё... что из предвечных лет...
Уставшая лететь, в изнеможденьи,
Сквозь пот и кровь, кресты и заблужденье
К ЕДИНСТВУ и ЛЮБВИ... Через ЗАВЕТ!!!

Ода России...

Руинами завоеваний
Лежит огромная страна...
Каких сердечных излияний
Ещё не слышала она?!

Осколком роскоши великой,
Останком вечного труда...
Такой чужой, разноязыкой,
Какой казалась не всегда...

Из недр, когда-то столь богатых,
Из уст, не помнящих родства,
Она несёт громов раскаты,
Каких не слышала Москва...

И содрогаются, наверно,
Не только горы всех земель,
Не только долгие деревни,
Но даже красностенный Кремль!

Мы сотрясаемся в рыданье
И, хоть давно прошла война,
Горящей точкой мирозданья
Лежит Великая страна...

Не потому, что много пели
Иль много пили на Руси?
Не потому ль, что лыком шили,
Волками воя: «Гой еси!»

Россия, щедрая Россия,
Когда же доброты своей
Достойна будешь?! Кто МЕССИЯ?
Кто взвалит груз заботы всей?!

Кто возродит былую славу
Державы, матери родной,
Чтоб ты такой была по праву!
Любимой, любящей страной!

Клеймили, плакали, стреляли,
Насиловали, гибли, жгли...
Судьбу отчаянно вверяли...
На муки неземные шли...

И в этом океане крови,
В гражданской смуте и злобе,
Калеки... пьяницы... герои –
Все были преданы тебе!!!

Наверно... в этом сне могильном
Им снятся деспоты... цари...
Иль светом мертвенным, бессильным
Озаренные алтари...

А может, ничего не снится,
Как нам... с земных забот-затей?
Земля... Россия... Тройка-Птица,
Прости за всё своих детей!!!

Руинами завоеваний
Лежит ВЕЛИКАЯ СТРАНА,
Каких сердечных излияний
Ещё не слышала она?!
Каких, скажите, испытаний
Ещё не сдюжила она?!

Деревеньки

За речкой зажалось
Таких деревенок...
Где рос можжевельник,
И лето держалось...

В соку... припадая
К тяжёлой осоке...
Держалось высоких...
Берёз, холодая...

Держалось за плети,
Цеплялось за крыши,
Глядевшие выше
Всех башен на свете!

Оно набиралось
Нездешнею силой,
Для дочки старалось,
Копило для сына...

Копило оттенки
В зелёных овражках,
По самые стенки
В весёлых ромашках...

За речкою древней
Почти не старело...
С такой вот деревней
Случайно... сгорело...

Небесная Русь

Солнца полосы...
Купола в реках светятся,
А в НЕБЕСНОЙ РУСИ
Меж людей
В дальней волости
Вертятся, а не встретятся
Стаи призрачных лебедей...

Наши ЧАЯНИЯ
РАСПЕЧАЛЬНЫЕ,
До поры... да по всей Руси –
НЕПРИКАЯННЫЕ...
Погребальные и венчальные,
Опясывают синь...

Наши ТРЕБЫ,
МОЛИТВЫ, ГОРЕСТИ,
Там... меж ангелов и людей...
Жизнь – как НЕБО, и СМЕРТЬ – как НЕБО,
В дальней волости
Песней вольности –
Стаей призрачных лебедей...

Дай им, Боже, Сил,
Богатырских сил
Небо крыльями удержать!!!
У НЕБЕСНОЙ РУСИ
Лебединый стиль:
Петь... терпеть... и любить... и ждать...

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

«Жизнь и лира» (сборник, посвящённый памяти А.С. Пушкина)

Кто такой Пушкин для литераторов? И образец нарождающегося литературного профессионализма, и повод сыграть в игру филологии и философии. Кто такой Пушкин для нас всех? У каждого своё знакомство с Пушкиным. Кто-то сначала вспомнит сказки, кто-то Пугачёва, кто-то Онегина, Медного Всадника... Чудесный поэт Вадим Шефнер говорил, что здания Питера в детстве для него были тем же, чем могут быть для других лес или горы – природной средой. Так вышло, что слова Пушкина занимают очень много места в словесной среде обитания каждого жителя России. Мы вырастаем в лесу пушкинских образов, сюжетов и ритмов. И нам повезло. Пушкинские тексты разлезают нас таким образом, что нам и самим хочется вместе с ним исследовать быт, любоваться людьми и событиями, создавать изящные вещи, быть творческими. Приглашаем Вас посмотреть в этой книге результаты творчества современных литераторов и присоединиться к нашей весёлой игре. «Пушкин – весёлое имя :)». (А.Титов)

Все книги можно заказать в редакции, написав письмо по адресу: lado_d@mail.ru.

Продолжается формирование сборника «ВОСТОК» (рабочее название)!!! Собираем страноведческие тексты по Ближнему и Дальнему Востоку, стилизации и поэзию твёрдых форм. Путевые заметки, фото, политологические и культурологические тексты. От авторов принимаются: краткая биография; стихи или проза объёмом от 1 страницы до 10 А4 Ворд 11-м шрифтом Таймс Нью Роман. Формат А5 (узкий), полноцветная обложка, 100-120 страниц. Тираж 250 экземпляров. Издаём в складчину, за свой счёт, поэтому от каждого автора взнос в расчёте 350 р./стр. После выхода сборника авторы получают по пять экземпляров почтой России. В Санкт-Петербурге можно будет забрать лично и поучаствовать в презентации сборника! Стихи, прозу и предложения направляйте по адресу: lado_d@mail.ru.

Ирина Стоцкая

Симферополь, Украина

Потерянный

Как странен мир, его законы,
В нём доброты нет ни на грош...
И смотришь с болью на иконы,
Лишь к ним взываешь, и зовёшь...
Душой распятой, убиенной
И с верой, может, во Христа
Идёшь во храм дорогой тленной
В надежде там найти себя...
Ты затерялся в этом мире,
Закрыты двери в рай и ад,
Душой своей сейчас бессилён,
Тоски своей покорный раб.
Ну что ты просишь на коленях
Того, кто был тобой распят?
В любви и вере на измене
Он и не враг тебе, не брат.
Оставь ты помыслы мирские,
Не место им среди святых,
Не замолить грехи земные,
Жизнь прожигая в днях пустых.
Ответь, кто ты и для чего
Живёшь на этом бренном свете?
Тогда, быть может, ты поймёшь,
За что ты должен быть в ответе.

3.07.2009

* * *

Я ухожу, тебя любя,
Любовный узел разрывая,
И не прося, и не моля,
Не плача боле, не страдая.
Мне ничего не говори,
Слова – лишь боль непониманья,
Ты на прощанье помолчи,
Мне не нужны твои признанья.
Я так устала от тоски,
С любовью смешанной и болью,
Душа в плену, как на цепи,
И сердце замерло в неволе.
Уж сколько времени дожди
Идут по нашим с тобой чувствам,
Мы одинокие в любви...
Как жаль! Как это грустно!
Да, ненавижу и люблю
Тебя, узнав, совсем не зная,
Смеюсь, и плачу, и грущу,

Зову ночами, проклиная.
Я на прощание скажу:
– Любовь бывает так жестока,
Я за неё слезой плачу
И тем, что так я одинока.

1.07.2009

Волшебный лес

Рассыплет небо жемчуга
И упадёт в объятия леса,
И месяц вспыхнет в зеркалах
Озёр лесных, ночной повеса,
Он усмехнётся из-за туч,
Разгонит серые армады,
Опустит наземь света луч,
И тени выползут громадой.
И тишина заговорит,
Колдуя в лунном свете ночи,
И птиц лесных уgomонит,
С лесною братией стрекоча.

Предстанет диво наяву –
Русалки, лешие, жар-птицы.
Всё оживёт в ночном лесу,
И дуб столетний накренился...
Там заиграют в чехарду
Кикиморы, проснувшись,
Завоет волк, встав на ветру,
Луны дыханием коснувшись.
Иван-царевич мчит коня
К пещере с спящею царевной,
В молчанье три богатыря
Хранят ей сон свечой нетленной.

Колдун злой там кружит во тьме,
Украсть невесту попытавшись,
И исчезающий во мгле,
С мечтой коварною расставшись.
Летит на ступе там Яга,
И Кот Баюн за нею следом,
Кощей, от холода дрожа,
Накрылся весь болотным пледом...
Ожили сказки в том лесу
И волшебством очаровали,
Поверьте мне – всё наяву
Мне духи леса показали.

Сообщество «Поэтический салон» на mail.ru приглашает поэтов, прозаиков, музыкантов, композиторов и всех творческих людей дать возможность нашим участникам и гостям познакомиться с их произведениями.

В Салоне проводятся различные конкурсы, есть гостиная выходного дня, свой небольшой кинозал. У нас не только авторы, которые издадут свои книги, но те, кто только начинает. Мы рады каждому творческому участнику.

http://my.mail.ru/community/poetic_salon/

* * *

Я не скажу, что Вас люблю,
И боле слов нет у меня,
Что Вас я больше не неволю...
И жизнь моя без Вас пуста...
Я не «Онегина» Татьяна,
Я Вам, простите, не под стать,
И лгать, увы, Вам я не стану,
Что Вам ещё могу сказать?
Писать не стоит дифирамбы,
Они смешны, порой глупы,
Мне не нужны хорей и ямбы,
И не нужны, мой друг, мне Вы.
Я влюблена, увы, не в Вас,
И чувств к Вам вовсе не питаю,
Не восхваляйте мой анфас,
Ведь с Вами я, мой друг, скучаю.
Слова мои Вас больно ранят,
Но лжи удар ещё сильнеей,
Любовь ко мне пусть Вас оставит,
Других любите, мой Орфей...
Меня любовью не невольте,
Забудьте грёзы наяву,
И другом Вашим быть позвольте,
Как друга Вас всегда приму...

Таврия

Как в волшебстве своём прекрасен
Закат над морем в летний день,
И лунный серп в восходе ясен,
Ложится наземь ночи тень,
Дыханье сумрачной прохлады –
Всё пробудилось ото сна,
Умолкли грома канонады,
И чайки стихли до утра.
Ползёт по морю к горизонту
Змейей светящейся копьё,
С ладьёю лунною по Понту
Летит с волной из звёзд весло.
Спокоен в вечер Понт Понтийский,
И Митридат, увы, не спит,
И в Херсонес Царь Византийский
Везёт к Владимиру невест...
Земля здесь скифская богата,
И многолик народ её,
В потомках память Митридата,
Эллады скальное кольцо.
Неаполь Скифский оживает,
Как много тысяч лет назад,
Закат над морем возвещает,
Что возрождён Эдемский сад.

Лада Григорьева

По ту сторону знаков

Любой текст состоит из знаков, несущих смысл. Но ни один даже самый совершенный текст не способен отразить непрерывность мыслительного процесса. Возможности восприятия требуют цикличной, порционной передачи информации. В обширной системе есть особые знаки пунктуации, служащие для разделения текста на смысловые отрезки. Термин образован от латинского «*punctum*» («точка», «укол»). Точка – это укол, принудительно обрывающий речь. В русском языке понятие «точка» образовано от «ткнуть», в чешском – от «бодати» («бод» – «точка»), в латинском – от глагола «*pungo*» («колоть»).

Система пунктуации современного русского языка сложилась к XVIII веку благодаря реформе Третьяковского-Сумарокова-Ломоносова. Михаилу Ломоносову принадлежит одна из первых рекомендаций ставить знаки препинания «по силе разума». Тире, кавычки и многоточие пришли в русский язык позже. И вызвали даже протесты, аргументированные, например, тем, что в ста томах Вольтера нет ни одного тире, следовательно, эта «попоса чернил» не нужна.

Пунктуация постоянно находится в развитии, несмотря на то, что обязательно опирается на систему правил. Изменения в пунктуации связаны не с незнанием традиций, а с открытием новых смыслов в содержании. Только более глубокое восприятие языка оправдывает вариативность, гибкость при нестандартном употреблении знаков.

Поэты и писатели с давних времён используют знаки пунктуации для открытия новых, неожиданных функций.

Громада двинулась и рассекает волны.
Плывёт! – Куда ж нам плыть?
(А. Пушкин)

Тире позволяет остановить движение, замораживает его, приводит к застыванию.

Некрасов успешно использует в стихотворении скобки, традиционно свойственные прозе:

(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция.) Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Запись слова на отдельной строке – тоже знак. Ю. Лотман писал, что «стоит поставить в поэтическом тексте отдельно местоимение, предлог или частицу, как у слова появляется несвойственное ему ранее значение».

Этот приём встречается нередко:

Иль ещё
Москвич в Гарольдовом плаще.
(А. Пушкин)

Вот,
Хотите,
Из правого глаза
Выну
Целую цветущую рощу.
(В. Маяковский)

Многоточием принято завершать недосказанную фразу, но О. Берггольц начинает с него:

...Как сегодня тихо здесь на фронте.

Это позволяет придать сказанному особую сосредоточенность.

Очень яркие пунктуационные оформления у М. Цветаевой:

Ходит занавес – как – парус,
Ходит занавес – как – грудь.

Убрать тире – и исчезнет смысловая многозначительность, яркая неповторимость стиля.

Живой язык, несомненно, опирающийся на нормы, может звучать красиво и гармонично лишь тогда, когда в нём проявляется индивидуальность говорящего. Речь возникает по ту сторону чётких предписаний. Знаки тоже нуждаются в воздухе, свежести мыслей и чувств.

Виктор Гришин

Волжский бульвар

Мелкий, колючий, как сапожные гвозди, дождь сыпался на Волгу. Вода неприязненно вскипала, покрываясь пузырями. Пузыри лопались, образуя оспенные рытвины. Они тут же пропадали. На их месте возникал новый пузырь, чтобы тоже лопнуть. И так бесконечно.

Волга в это время была похожа на сварливую хозяйку: всё у неё не так – и каша подгорела, и чайник выкипел. Только что тихая и ласковая, река вдруг взбеленится белыми кипенными барашками. Утихнет внезапно,

пойдёт рябью, как стиральная доска, а то, вспыхнув яростью, ударится о причалы речного вокзала.

Кленовые листья под порывами ветра срывались с нечёсанных крон и летели, радуясь обрётённой свободе. В полёте они начинали танцевать незамысловатый вальс. Но ухарь ветер уже забыл о них. И листья без его поддержки начинали падать. Медленно, нехотя, но падали. Они усыпали волжский откос багряным покрывалом, а наиболее отчаянные долетали до волжской стремнины, и это было их последнее па. Белые барашки миглом перемальывали эти осенние брызги. Мелькнули золотые искорки, и всё – снова неприглядная волжская вода.

Бульвар тревожно шумел.

– Облетаю, облетаю, – басовито гудел русский клён, кряжистый, могучий, с непокорной копной рыжих нечёсанных волос.

– Неприятно, неприятно, – вторил ему щёголь тополь, роняя свои листья на камень парапета.

– Неприлично, неприлично, – стыдливо шептали берёзы, тесной стайкой столпившиеся на волжском откосе.

Чайки, надрывно крича и выматывая душу, металась среди вальсирующих листьев в надежде поймать что-то съедобное. Но, потеряв надежду на добычу, улетали копаться в отбросах городского рынка. А дождь всё лил. Заканчивался сентябрь. Позади прелести бабьего лета, впереди сумрачная слякоть октября.

Город, прячась от дождя, вжал голову в плечи. Наохлились купеческие дома, по-солдатски ровно стоящие вдоль бульвара. Их крыши облепили упавшие листья. Нудный дождь, как барабанные палочки, выбивал дробь на металлических подоконниках. Залитые дождём окна плакали, фасады строили плаксивые гримасы. Только Успенский собор стоял гордо. Он плыл над городом, а его колокольня-звонница, казалось, протыкала небо. Кажется, что махнёт она на всю земную суету рукой и улетит. Взлохмаченные тучи цеплялись за шпиль собора и беспомощно повисали, превратившись в куски неприятной серой ваты. Присоседившаяся рядом Троицкая церковь распласталась на площади, прижатая навалившимися на неё брюхатыми от дождя тучами. Пасмурно, сыро.

Пусто в осенний день на бульваре. Одиноко сторбясь, стоит беседка над волжской кручей. Отсюда, как вещает молва, бросилась вниз бесприданница.

Кинешемцы уверены, что прототипом города Калинова служил уездный город Кинешма. Хотя с такой трактовкой не согласны костромичи. В Костроме такая же набережная, аналогичная беседка. А «Бесприданница» одна. Вот и спорят два волжских города, оспаривают наследство великого писателя А.Н. Островского. А он сидит в кресле в своём имении Щельяково и немного утомлённо смотрит на земную суету. Пусть спорят два города. Значит, есть ещё интерес к творчеству великого земляка.

Провинциальные города, они как теплинки, брошенные мальчишками на меже. Тлеют угли, покрываясь сизым пеплом. Как знать, может, подует освежающий ветер, и снова заалеют угли внутренним неярким светом. Дай-то бог.

Волжский хронометр

...Душу тревожит величье немое...

«Я родом с Волги», – так обычно представляюсь, когда у меня спрашивают место рождения. Если человек не связан с рекой, то он и внимания не обратит на фразу, а переспросит, уточняя населённый пункт. Но если вы попадёте на волжанина, то в ответ раздастся: «Я тоже!» И всё, вы земляки. Потом будете выяснять, откуда вы с Волги: верхней, нижней. А уж город – в самую последнюю очередь. Так повелось. Не нами придумано.

Для тех, кто родился на Волге, река не географическое понятие, это часть твоей души. С ней связано всё. Встреча рассвета после выпускного вечера – только на волжском откосе. Прогулки с девушкой – парк над Волгой. Свадьба – обязательно к ней, родимой.

Я вспоминаю своего деда, который редкий день не ходил на Волгу. Сядет на им же сделанную скамейку и сидит. Сидит, как большая хищная птица. Чёрные, почти не тронутые сединой волосы спадают из-под старой фетровой шляпы. Окладистая борода закрывает грудь. Острые лопатки выпирают на широкой спине. Мосластые плечи упорно сопротивляются возрасту, не сникают. Костистые, разбитые от плотницкой работы кулаки спокойно лежат на коленях. О чём думает этот уже старый человек, глядя на привольный волжский плёс, раскинувшийся широкой излучиной. Что проносится у него перед глазами?

С Волгой сверяли времена года. Покрылась река сальным с колючими льдинками месивом – жди ледостава. «Сало на реке – к морозу», – говорили старые люди.

«Волга встала, мать», – говорил дед, с утра сходявший на реку. Он шумно раздевался в сенях и проходил в горницу, сгибаясь под притолокой.

«Ну и ладно, отец. Бог даст, переживём зиму», – вторила тихим эхом бабушка, неслышно сновавшая по избе.

«Волга тронулась!» – сообщал дед весной, бросая слова в пустоту дома.

«Ну и слава Богу. Зиму пережили», – редко оброняла слова бабушка.

Для этих людей, которым было уже за семьдесят, существовал только такой отчёт в природе. Сходил на нет ледоход, уносивший на себе прошлогодний мусор, грязь. Проходил мощным, очищающим паводком, сметая всю засорузлость с берегов. После чего земля распрямляла грудь и благодарно вздыхала. Да что земля! Люди словно сбрасывали с души наболевшее. Дед, казалось, молодец. Нужно было осмолить, а то и проконопатить лодку. После чего следовала покраска, и вот миг, когда, попросив помощи у соседних корабелов, натужно кряхтя, стаскивали лодку на воду. Вначале, словно нехотя, наш транспорт цеплялся за оттаявшую землю, затем, поняв, что от него требуется, легко начинал скользить. И, взорвав ещё студёную волжскую воду, наша ладья уже качалась у побережья. Мужики, возбуждённо переговарива-

ьясь, ещё какое-то время обсуждали судоходные качества спущенного плавучего средства. Потом расходились к своим пакле и краске. Но вот заколыхался на воде ещё один борт, другой... Весна, навигация началась.

Моя мама, родившаяся на Волге, любила реку. Девчонкой, прошедшей войну, она первым делом после демобилизации пришла на волжский берег.

Когда ей было плохо, она шла на Волгу.

«Ты чего припозднилась?» – спрашивал отец маму, которая задержалась после смены.

«Да так, на Волге посидела», – нехотя, думая о чём-то своём, отвечала мать. Вопросов больше не было.

Что касается нас, детворы, то не было никого заботливой, чем наша Волга. Надрали уши взрослые. Разбили нос сверстники. Куда идти? Домой, жаловаться? Боже упаси. Только на Волгу. Прореветься, прохныкаться в огромных, сложенных накатом, брёвнах. После чего, сбросив трусы, нагишом выкупаться. Проныряться до чёрных кругов перед глазами и звона в ушах. Ушли обиды и печали. Унесла их Волга.

«Олень рога в воду опустил, какое вам купание?» – говорила бабушка, когда мы, несмотря на свежесть августа, собирались на реку. Всё ясно, по народному календарю наступила осень. Волга становилась не такой ласковой, как летом. Вода её посинела, всё чаще вспенивалась колючими барашками. Словно предупреждала Волга: прошло время купания.

В эту пору Волга была похожа на учительницу, которая жила рядом. Добрая и приветливая летом, она становилась строгой Первого сентября. Точь-в-точь как река, в синем платье с белой оторочкой воротничка. А голубые, как Волга летом, глаза лучились добром.

Быстро пролетали осенние месяцы. Улетали грачи, оставив после себя неопрятные гнёзда на вековых берёзах в старом парке. Откружил вальс ветер с листьями берёз и клёнов. Заморосил мелкий плаксивый дождь, размывая привычные картины, делая их неузнаваемыми.

«Каждому овощу своё время», – так и в погоде. Наступил конец отвратительной мороси. После того, как всё вокруг, растущее и нет, стало напоминать отсыревшую губку, природа-матушка опомнилась и стукнула морозом по всей этой мокрели. Причём так внезапно, что застыли в удивлённой гримасе расквашенные дороги. Кусты стыдливо зазвенели прихваченными морозцем ветвями: «Укрой меня, укрой меня, стыдно, стыдно». Примороженные стены домов покрылись серебристыми лишаями. Выходящее клубами из разбитых глазниц слуховых окон тепло было похожим на выдох старца: «Наконец-то! Дождались и мы холодов!» Никто не думал, что эти холода протянутся на пять месяцев, что пронесутся две сестры: пурга и вьюга. Переметут всё: дороги, тропинки, поля.

Небо стало высоким, холодным, вечером сияло и искрилось народившимися звёздами. Дым из печей ровными пушистыми хвостами устремлялся ввысь и растворялся там куполом. Скоро зима. На неделю-полторы устанавливалась ядрёная холодная сухая осень. Какое наступало время!

Волга была настолько удивлена решительными действиями зимы, что остановилась в своём течении, да так и застыла, слегка шевеля появившимся на ней «салом». Хотелось красавице повести сине-серым рукавом, чтобы вся шуга полетела в разные стороны, но пролетающий над ней холодный, пронзительный волжский ветер насвистывал ей: «Не дури, успокаивайся».

«И то правда», – решила Волга и убавила свой пыл, дав обрасти себе студенистой массой льда. Перевернутые бесцеремонными хозяевами кверху днищами лодки лежали на своих деревянных постелях и только вздыхали: «Какая стыдоба, голышом на берегу!» Запоздавшие, идущие к своим родным затонам пароходы, шурша разрезаемой острыми форштевнями шугой, протяж-

но гудели: «Про-щай-те-е-е! До вес-ны-ы-ы». После их прохода «сало» нетопливо смыкалось, и снова, насколько хватало глаз, серел волжский студень. «Волга встала, мать», – говорил дед...

Китайцы

Канули в прошлое шумные китайцы, которые заполняли наши посёлки со своим барахлом. Они шли весёлой гурьбой, обвешанные веерами, волшебными фонариками. Несли в руках стеклянные рамки для фотографий, разрисованные чёрно-красными цветами.

«Тётка, покупай, моя продавай!» – весело галдели они в наших дворах. Тётки называли их «харями косоглазыми», на что китайцы совершенно не обижались и охотно скидывали цены. Считай, в каждой квартире посёлка можно было увидеть на комодке развёрнутый китайский веер или фонарь, качающийся под потолком. Со стен смотрели фотографии в ярких китайских рамках. Затем политика партии и правительства привели к их массовому исчезновению, этих непрехотливых и безвредных людей. Пусто стало на посёлках.

Дольше всех продержался старый китаец, который держал прилавок на базаре у фабрики. Каждый выходной он сидел неподвижно, как богдыхан, среди своего цветного товара, но не кричал и никого не зазывал. Он был стар, жёлт и морщинист, этот китаец. Новое врывалось в патриархальный быт наших слободок, посёлков, улиц. В нашу жизнь вошли такие слова, как «новостройки», «универмаг». Родители поездку в него планировали на выходные. Это было мероприятие. Нас заставляли переодеваться для его посещения.

На пустырях строились пятиэтажки, которые в то время не называли презрительно «хрущёбами». Получить квартиру в таком доме считалось удачей. Когда наши мамы обсуждали на колонке очередную счастливую семью, покидавшую наш посёлок, то в итоге всегда говорили, как правило, сами себе: «А ты поработай с её. Считай, без малого двадцать годочков за станками отбегала. Да муж – поммастера столько же». Это были самые весомые аргументы.

Старик-китаец сидел. Только его товар становился всё более выцветшим и непрезентабельным. Даже любопытная детвора пробегала мимо, не заглядывая в его конуру.

Пропал старый китаец тихо и незаметно.

НАШИ УСЛУГИ для авторов. Наша редакция традиционно и принципиально относится к авторским текстам бережно; то, что допустимо к публикации в соответствии с законодательством РФ, печатается как есть; по согласованию с автором исправляем лишь явные ошибки. Глубокая литературная правка, в том числе стилистическая и смысловая, всё же проводилась, но в эксклюзивном порядке. Также подробное обсуждение текстов наших авторов проводилось в рамках литературного семинара. Мы отредактируем Ваши мемуары, монографию или художественный текст.

Предоставляем полный спектр издательско-редакционных услуг (литературное редактирование, корректура, создание макета книги и сопровождение в печати).

Ознакомиться с уже изданными книгами можно здесь:

<http://artage7.4sql.net>

(на главной странице сайта и в разделе «Книги наших авторов»).

Валентин Новиков

Новиков Валентин Иванович, пенсионер, родился в Казани, защитился в Москве. Живёт в Москве, часто летает к дочке и внучке в США. Любит фотографировать, писать рассказы, футбол, смотреть на звёзды и на красавиц.

Тёплый апрель 1961 года

Не припомнится такого апреля с 1961 года. На работе под окнами берёзы покрылись листочками. Мягкая травка... Мысли – скорее бы выходные, и на природу... Теплынь. Сотрудники «Почтового ящика 296» в белых халатах не покидают скамейки, с удовольствием покуривают. Тогда это не считалось вредным. В нашем «ящике» жуткий аврал с зимы. Бортовая телеметрия для проектов «К-2» и других – серьёзная штука. Никто не делал такого, поэтому инженерной молодёжи полно. Прежние старожилы-ламповики с трудом понимают схемы на транзисторах, а ей это почти привычно...

12 апреля – роскошная погода уже с утра. В десять часов по громкой связи: «Все на митинг». Господи, неужели всё-таки ядерное нападение. Противогаз брать не брать? А, да ладно, успеется. На грузовике уже микрофон и главный конструктор: «Сейчас будет официальное сообщение ТАСС». На лице радостное выражение. Уф, значит, пронесло, и будет что-то привычное вроде запуска Шарика или Метеозонда. Только зачем митинг? наших ребят на полигонах этим не удивить. Каждую неделю десант.

Включают громкое радио, а там куранты и известие, которого заждались и из-за чего пахали в три смены. И не только наш, а все «ящики» СССР. «В космосе космонавт Гагарин в орбитальном полёте». Правильно, в баллистическом американцы уже побывали, а мы – нет. Поэтому сразу – и в дамки. Где-то через час он должен пролететь над нами. Включили свою технику, и действительно, телеметрия забурлила данными... А через час ещё сообщение ТАСС об успешном приземлении. Правда, не там, где должен быть, чуточку в стороне – на две тысячи километров. Но это уже детали несущественные...

Спирт лился рекой, благо без него ни шагу. Чистота медицинская, что у него, что на работе. Ощущение второго Дня Победы девятого мая. Оно и по времени недалеко и по трудности дел. Всеобщее, вселенское ликование. В Москве

народ, ясное дело, на Красную площадь, в провинции – кто куда. Дома приклеились к телевизору. Там непрерывные марши, торжественные песни про пыль на дальних планетах и яблонях на Марсе...

В майские праздники продолжение на берегу таёжной речки Илеть. Соревнования по ориентированию. Потом песни до утра. Девушки-красавицы целуются легко и весело. Одна, по прозвищу Пушистик, выбрала меня. Полная, душистая, мягкая, с нормальным пульсом – двести. Кровь с молоком, пользуясь своей аномалией, часто брала больничный для турпоходов... Утром народ двинул на станцию и его было столько, что пришлось разместиться на крышах. Поезд один раз в сутки...

Приехали. Настроение – не хочется расходиться.

– А не пойти ли к центральной площади?

– Отличная идея! – ответили человек десять рядом...

Оркестр вперёд. Понемногу в него вливались с гитарами, барабанами и горнами все желающие. Получилось человек тридцать-сорок. Солидно! За ним поющие ряды с рюкзаками, флагами, цветами. Красота!!!

– А слабо к памятнику Ленину, где трибуны ещё с майской демонстрации?!

– Запросто! Вот взяли и пошли...

Через километр колонна протянулась на несколько кварталов, и чем ближе к центральной площади Свободы, тем больше народу. Как бы ещё одна демонстрация, но стихийная. Появилась милиция, стала упорядочивать движение, шествию не мешала. Удивительно! Как легко собираются массы. Не важно, зачем, лишь бы покуролесить... Холодок ответственности... Надо как-то закрывать мероприятие...

– Цветы к памятнику Вождю Революции!!!

– Ура, ура, ура!!!

Вот это да – многотысячная колонна радостно возложила цветы и нехотя разошлась по домам... Последствия не заставили долго ждать. Интервью на телевидении, статьи в «Комсомольской правде», кооптация в Центральный совет по туризму и спорту, повышение в должности на работе, почётная грамота... Явный взлёт! И дернул чёрт послать в Совет Министров СССР протестную телеграмму по поводу вывода спортивного туризма из видов спорта. Через неделю Правительственная телеграмма – разобраться со смутьяном. Разобралось: лишить квартальной премии, понизить в должности, объявить выговор за самовольные действия... За сим карьера в третьей столице закончилась. Перебрался во вторую, потом и в первую...

Год прошёл

Подумаешь, год миновал. Этих лет у всех полно. В прошлом марте отстоял часовую очередь за визой в Питере. Нынче в Москве. Невелика разница. Столько народу желает в Штаты. В одноэтажную Америку небоскрёбов. Рядом симпатичная москвичка на голову выше, ужасно волнуется.

– Сам не пойму, что-то тревожно, – вежливо обращаюсь к соседке.

– Ага, я тоже. Казалось бы, всё нормально, но процедура просителя, дактилоскопия всех пальцев, мало ли что ещё придумают. Виза – не право, а привилегия... Наверное, к детям?

– К ним и внучке. Год не был в Баскинг-Ридже, что недалеко от Нью-Йорка.

– А я в Вашингтон. Там дела... – уточнять не стала.

Светский разговор, однако, география вполмира. Шумит нездоровым тоном Садовое кольцо. Каждую секунду около десятка машин... Три проверки на улице. Милиционер берёт паспорт, несёт в свою будку и через минуту выносит. Потом консульский секьюрити смотрит, есть ли направление, и следу-

ющий проверяет наличие оружия. Чета очень старых евреев на полусогнутых не может поднять и развести руки шире плеч. Хмыкнув, третий проверяющий пропускает их без досмотра. Зато на товарище из провинции, который, видно, прямо с вокзала с сумкой, отыгрались по полной. Вывалили содержимое на стол, все молнии открыли, каждый пакетик командировочного понюхали. Стоит, бедный, словно голый перед народом. Народ – кто сочувственно, кто злорадно, мол, смотри, деревня, мы-то налегке. Соседка заволновалась пуще прежнего. Неужели вытряхнут и её сумочку? Неприятно.

– Первый раз за визой. Столько хлопот. Каков результат будет – неизвестно.

– Я второй раз, но тоже нервничаю. Хотя... есть старая виза, приглашение, купчая на квартиру.

Очередь медленно движется, и вот заветное окно. Подаю паспорт. Служащий-инвалид без пальцев ловко стучит по клавиатуре. Кивком показывает на прибор для снятия отпечатков пальцев. Правая рука, левая, два больших пальца одновременно... По-английски спрашивает:

– На два года?

Утвердительно киваю.

– В кассу оплатить...

Такое вот собеседование. У кассы соседка.

– Надо же, как быстро и без вопросов.

– У меня так же мгновенно.

Улыбнулись друг другу и довольные разошлись.

Напрашивалось пригласить её на кофе и лёгкое знакомство. Но дела... И потом, она на голову выше и в три раза моложе. Тем не менее, какое-то прозрачное ощущение теплоты возникло. Ох, уж тот бес в ребро... Ладно, проехали. Авиабилеты дочка по знакомству заказала в Федерации тенниса. Поехал, посидел часик, пока доступ появится в Интернете к местам «Аэрофлота». Тесноватая прихожая. Вытянул ноги, а тут корифей нашего тенниса, личный друг Ельцина вошёл. Спокойно перешагнул и скрылся в кабинете... В самолёте сплошь наши. Никого не смущает ни цена билета, ни десять часов лёту. «Аэрофлот» поскромнее «Люфтганзы» будет. Лайнер «боинг-767» со следами прожитых лет потряхивает сильнее «эйрбаса-330», но прибыли по расписанию в аэропорт Кеннеди. Очередь к иммиграционному офицеру приличная. За полчаса приблизился, продумывая, как и что говорить по-английски (с ним слабовато). Опять отпечатки пальцев.

– Как долго будете в США?

– Два месяца...

Стук компостера – прощу в Америку на полгода. Так просто и быстро... Выхожу, а меня уже встречает зять – милый парень из Питера, переехавший на житьё в Штаты.

Прямая дорога по Нью-Йорку напоминает пригородное шоссе. Поразительно безостановочное движение, и даже заезд на мост Верозано без проволок. Это чудо инженерной мысли. Ажурное, красивое, удобное, как, впрочем, всё в Америке! Ощущение, что прибыл домой, как ни странно. Доехали до дома за час! Зять говорит, это его личный рекорд. Обычного часа два. Встречают дочка и внучка – уже маленькая барышня. Было ей четыре, год спустя – пять. Срок громадный. Ощущение дома усилилось. Разумеется, у детей ворох забот, сложностей привыкнуть к другой стране, врасти и жить по-человечески. Им удалость. Молодцы. Не хватает малости: бабушки-дедушки поблизости. Вот он дед появился – все довольны. Можно внучку запросто оставить на него на полдня. Он завтраки сооружает, за домом приглядывает. Обычная история. Дочка беспокоится:

– Пап, не скучно? Мы на работе да на работе.

– Нет, нисколько. Честно говорю.

Часа три в Интернете за новым компом, обед, кое-что по хозяйству. Настоящий отдых от московской суеты, бесконечного ремонта. На сайте «Мой мир» нашёл замечательных собеседников, фотохудожниц. Оказывается, не исчез небольшой талант фотографа. С упоением рисовал картины природы. Они имеют известный успех. До двух тысяч одобрений получил.

Не удавалось писательство. Отсутствовала кириллица на компе. Думаю, в Москве наверстаю. С лихвой компенсировал перепишкой на абракадабрском латино-русском. Как ни странно, почти никого не затрудняло такое общение. Некоторые даже пытались подстроиться под меня, но бросили это дело. Поразило, как много прекрасных, чутких зрительниц. Стоило выставить удачный снимок, как через минуту приходили отличные оценки. Грела душу обширная география. От Австралии до Канады. Везде наши. Примите искреннюю признательность все и особенно Золотце, VM, Жемчужина, Валентина Ц., Рассказова, Орлова... все вы есть у меня в «Моём мире». Таком приятном и большом. Столько замечательных человеческих историй подарили вы. Разумеется, не каждую можно описать в открытом виде, но некоторые непременно использую хотя бы иносказательно.

Год прошёл, как переехал из Питера в Москву и далее с визитом в Америку. Непростой, насыщенный тревогами прирастания к новому месту. Слава Богу и вам, дорогим собеседницам, что сейчас сочиняю в радостном настроении.

Нечто пасхальное

Такой прекрасный день – Пасха у православных России, Сербии, части Украины и Белоруссии. Другие православные по-другому православные, вместе с евреями, католиками и протестантами уже неделю назад отметили это событие. Что-то неправильное в установлении... В Интернете давно приклеили нашим звание Ортодоксов христианских. Подумалось, какие же мы православные, когда самым почитаемым фактом является снисхождение небесного огня. Как только не будет его, так сразу конец света... Очень даже может быть.

На мой взгляд, все народы огнепоклонники. Ничто не завораживает сильнее, чем бегущая вода, облака и огонь. Театр пасхального зажжения огня без спичек от блуждающих каплей электричества похож на чудо. Разумеется, были проведены некие измерения напряжённости поля. Они показали, что народная масса, одержимая, излучает весьма и весьма...

Иду как-то в день Байрам-Али мимо центральной мечети около Олимпийского, а там тёмная толпа мусульман. Как один молятся в сторону Мекки. В радиусе метров ста чувствуется в воздухе концентрированная воля Пророка. Скажет перебить неверных, и будьте уверены – сделают. Быстро-быстро, почти бегом к метро. Уф-ф, как сейчас помню, облегчение...

На минаретах муэдзины... в церквах гудят колокола – явные воздействия на всех. Делай то и делай это. Благодатное ощущение причастности. Почему-то вспомнилась сирена воздушной тревоги. Тревожное и тоже для населения... Видать, с возрастом начинаешь брюзжать. Искать подвохи во всём. А сам с удовольствием поздравляешь и получаешь искренний ответ. Отовсюду... Особенно тёплый от дочки...

– Пльвём на лайнере из Ки-Уэста мимо мыса Канаверал. Сделали тебе несколько фото боевых кораблей...

– Вот здорово! С Пасхой, дорогая!

– Внучка, поговори с дедом... – передаёт ей трубку.

– Здравствуй, милая. Это деда Валя.

– Здравствуй!.. – смотри-ко! Уже буква «р» обозначилась.

– Я скоро прилечу, какой хочешь подарок?..

Задумалась...

– Такой, какой нравится тебе самому!!!

Блестяще! В пять с половиной лет вполне светский ответ. С младенчества в авто, авиа, компах, танцах, рисовании, школах американской и русской – как в набор. Прибавить внешние данные выше среднего, боюсь, нелегко будет жить. Впрочем, если всё так, то и ничего страшного...

Два года назад в это же время одна знакомая сказала перед первым полётом в США: «Не потеряйся там». Слегка опешил от такого напутствия. Потом несколько неуверенно ответил: «Что ты? Постараюсь». Как в воду глядела, существенно изменилась жизнь... Переехал из Питера в Москву, автоматом оборвались многие нити. Потом слетал за океан несколько раз, посмотрел, как и что там. География в природе замечательная штука! Под крылом самолёта поля ветряков – Голландия; снеговые горы – Норвегия; нефтяные морские вышки – Северное море; вода от горизонта до горизонта – океан. Вершина впечатлений – сияние созвездия Южный Крест в тропиках! А началось это, как ни странно, в Пасхальную неделю...

Мир огромен, и потеряться в нём запросто. Сложнее самому не пропасть. Помогает разговор с живой природой. Идёшь за ключевой водой, слушаешь весну. Скворцы рассказывают новости. Отчаянные парни на велосипедах прыгают с лыжных трамплинов. Публика аплодирует удачному приземлению. Они же, довольные, делают вид, что не замечают... Черёмуха опередила в раскрытии листочков прочих обитателей. Почти появилась первая травка...

Где-то потерялась прежняя жизнь, зато появились новые знакомые. Обычный переход из одной действительности в другую – своеобразная реинкарнация. Быть может, Всевышний вознёсся не на небо, а в наш разум. Поэтому и бессмертен...

Праздник – Turku

Есть в Америке праздник – День Благодарения. Очень почитаемый. Наравне с Рождеством. Говорят, у первых переселенцев случился неурожай. Сидят, бедные, у костра и плачут. Конец ноября, скоро зима – жутко... Другая версия: у переселенцев был урожайный год. Сидят у костра и веселятся... Дальше события уже трактуются одинаково...

Из темноты выходит индеец делавар, а может, навахо и преподносит тушку индюшки. По тамошнему – Турку. Эти птички под десять кило и сейчас бегают свободно по пригородам. Народ, ясное дело, принял подарок. Началось пиршество и братание. Собственно, как и в любых других странах... Подарок безвозмездно – праздник, да и только! На традиции мир держится, вот и обозначил Конгресс тот день праздником. Да ещё таким, что даже хлебные магазины не работают. Только и разговоров о подарках, где, с кем встречать. Во внучинной школе торжество провели за три дня до...

Родителей пришло больше, чем детей. Программа – ну прямо советских времён. Хоровое пение и декламация. Завершающая часть – личное высказывание каждого, кого он благодарит. Разумеется, были тренировки и редакция, поэтому все благодарили семью и родителей... Щёлкали блинцы; видеокамеры, аплодисменты... Гости оживлённо обменивались впечатлениями. Ещё бы, за полгода учёбы встретились впервые. Со мною тоже пытались пообщаться, но я вежливо улыбался и делал вид, что принимаю поздравления. Быстрый английский непонятен. Тем не менее, одну ручку поцеловал на прощание. Уж очень благорасположена была давняя дочкина приятельница...

В собственно день Thanks given дома непрерывная готовка пиршества. Зять из Интернета добыл самый сложный современный рецепт присыпки для

индейки. На двух листах и на час изготовления полстакана зеленоватой массы. Её внедрил под кожу так, что не видно. Воткнул обязательный индикатор температуры, и в духовку на четыреста двадцать градусов по Фаренгейту. Внучка пыталась было помочь, но мать раздражённо пресекала: иди, поиграй на компе, посмотри телек, порисуй... В ответ такой плач, что сообразила свою неправоту. Тут же нашлось дело – растирать сложный салат. Фу-у-у, отлегло от сердца...

Ровно через сто минут индикатор должен был выскочить, а он сидит недвижим. Как быть?

– Ладно, – скомандовала наш генерал, – пусть ещё попечётся...

Народ займётся изготовлением ещё одного фирменного салата: клюква, сахар плюс нечто, мне неизвестное. Растереть и варить десять минут. Потом делалось пюре из обычной картошки и сладкой мексиканской красного цвета...

– Хватит печь турку, – решил генерал, – видно, индикатор сломался. Давайте накрывать стол.

Внучка достаёт дорожные тарелки и в одной руке несёт, подражая официанту.

– Пожалуйста, двумя руками. Я этот сервис через Интернет неделю комплектовала, а ты грохнешь хоть один предмет, и нет гармонии...

– Хорошо, мама, – отвечает ребёнок и по новой носить в одной руке...

В общем, дед оказался рядом и страховал риски.

Зять достаёт бутылки вина, которым торгует. Оно из Словении и Хорватии – качество изумительное. «Златан» называется. В Москве его не бывает, разве что на заказ. Недешёвое. По тридцать долларов, а то и больше... Приоделись, и за стол. Непрерывные звонки. Ответы то по-русски, то по-английски, причём по трём сразу. Тема одна – радость жизни и благодарность друг другу. Приятельница, тоже москвичка, но натурализованная в США, приглашает к себе на то же самое. Сокрушается, что муж в Риме, будет только завтра.

Уважительно отказались, пригласив к себе. Договорились встретиться по приезду мужа через два дня. Спросил потом его идиотской фразой...

– Как там Рим? – с некоторым уважением к имени города.

– Понятия не имею. С самолёта после десяти часов лёта сразу на конференцию онкологов. Потом в гостиницу в девять вечера. Поужинал, лёг – в восемь утра на самолёт обратно в Нью-Йорк...

– Н-да! Нет слов.

Такова действительность. Америка чрезвычайно мобильная страна. За весь остальной мир. И праздники отличаются от наших оттенком промежуточного финиша. В этот день обязательный карнавал на 6-й авеню. Перед зданием банка каждая команда останавливается и даёт мини-представление. Очень похоже на Рио-де-Жанейро. Часа три идёт эта демонстрация масок, громадных надувных фигур размером под десяток метров, пения самых известных мировых звёзд и танцев. С размахом – ничего не скажешь! После – обязательный матч американского футбола нью-йоркских рейнджеров с кем-нибудь. И так десятки лет. Традиция. Мои дети слегка гордятся, что уже жились с этим. Уже не понять, кто они – русские или американцы.

Ночью вышел во двор. Небо южное звёзд полно. Большая Медведица ушла за горизонт, зато Кассиопея во всём блеске. Хоровод ночных самолётов, ждущих по полчаса очереди на посадку в Ньюарке. По кустам кто-то сверкает глазами. Еноты, наверное. Скоро начнут шарить по мусорным бакам и лакомиться косточками от индейки... Приходится баки перевязывать. Такая вот жизнь. Совсем хорошая!

Стас Быков

Туман

Туман. Сначала маленькими, еле заметными ниточками он появляется и исчезает низко над журчащими струями воды. Вечер ещё в самом разгаре. Тепло, даже душно. Но нет-нет откуда-то вдруг появится холодное облачко, заденет тебя прохладным краешком, напоминая о приближающейся ночи, и растает.

Солнце ещё высоко. Но оно устало за такой длинный день и медленно клонит свою сверкающую голову ко сну. Это почувствовала и рыба. Поплавки синхронно покачиваются вслед за струями воды. Их движение уже ничем больше не потревожено. Всё начинает замирать. Один за другим затихают звуки. Уже не слышно шелеста листьев, в которых только что играл ветерок. Да и он сам куда-то пропал. Не слышно птиц. Только струи тёплого воздуха на остывающем песке искажают окружающий застывающий мир. Единственный звук – журчание воды теперь как громкий разговор раздаётся в этой звенящей тишине.

И ещё туман. Незаметно он уже начал стелиться по поверхности воды, занимая низины, всё чаще задевая холодными крыльями. Напряжение нарастает. Какая-то тревога закрадывается в душу. Вдруг вспоминаешь, что ещё до сих пор не собраны дрова, а ночь уже подкралась и выглядывает из-за занавески тумана. От этой тревоги вдруг появляется какая-то, ещё не оформившаяся, мысль. Она ещё не осознана, но уже достаточно понятна, чтобы вызвать холодный пот. То ли от тумана, то ли от подсознательного животного страха перед тьмой.

Бегом за дровами. Только это сейчас важно. Ни машины, дачи, дома и счёт в банке, а хорошая охапка хвороста. И чем больше, тем лучше. Наверно, много тысячелетий до нас наши предки, наблюдая, как красное огромное солнце медленно скатывалось за горизонт, с дрожью бегали по лесу в поисках веток, чтобы побыстрее разжечь первобытный костёр. В этот миг безмолвия и надвигающейся темноты даже «современный цивилизованный» человек пытается перебороть отчаяние, переданное самой природой, нашей матерью. Только сейчас испуганный мозг начинает понимать, что те ценности, что холит и лепет наш мир – ничто по сравнению с этим. Дома разрушатся, дороги зарастут, металл рассыплется в прах, камень источится в пыль, а все мудрости человеческого мира канут в лету вместе с истлевшей бумагой. А эти смешные бумажки, которым мы поклоняемся там, в «цивилизации», здесь годятся только для скорейшего разжигания костра. А он никак ни хочет разгораться.

Туман уже успел потрогать когда-то сухие сучья. Туман уже захватил воду, низины и теперь добирается и сюда. Для чего нужны горы стихов или законов, слава, почёт, известность, если этим ты не сможешь себя согреть? Уже от холода и влажности начинают стучать зубы. Желудок вдруг тоже напоминает о своём присутствии. Солнце село. Некому больше греть.

Очередная отсыревшая спичка вдруг вспыхнула. Огонёк перебросился на соломку и маленькие веточки. Тьма вдруг испугалась и отшатнулась, превратившись из призрачной тёмно-синей жижи в ощутимую чёрную стену. Туман тоже тут же отпрыгнул за эту стену. Огонёк быстро набирает силу, облизывая всё более толстые сучья и отодвигая чёрную стену всё дальше и дальше. Всё в природе будто ждало команды. Разом защебетали ночные птицы. Завкакали лягушки. Где-то там, за этой стеной слышны всплески – рыба вышла на ночную охоту. Свет костра весело заиграл на листьях осины, стволах и ветках

сосен. Как-то сразу спало вечернее напряжение. Кто-то в палатке засопел. От неожиданности сердце вдруг прыгнуло в пятки, а потом потащило поправить одеяла самой главной важности в жизни. От осознания этой простой истины показалось, что за спиной выросли крылья. Эти маленькие, мирно спящие комочки в своих невидимых генах пронесут частичку тебя в будущее. Вот она – неуловимая истина, вот она – бесконечность. Ни безумно дорогие кошки или собаки с родословной, ни управление целыми государствами не принесут этой простой мысли, которую искали разумы целых миров. Вот для них нужно строить дома, чтобы первобытный страх не поселялся больше в их душах. Вот для кого нужно сажать и растить деревья, которые позволят вздохнуть полной грудью чистый воздух, а корни отфильтруют чистойшую воду. Остальное не важно. Нам об этом напоминали не раз.

Огонь забрался вглубь древесины, чихая и выбрасывая снопы искр в очищенное небо. Темнота вновь подступила, но уже стала прозрачной и тёплой. Сотни звуков вокруг, но каждый слышен отчётливо, рассказывают о ночной жизни. Наступает умиротворение. Можно бесконечно смотреть на огонь земного костра. Но постепенно глаза начинают слипаться. Откидываешься на спину. Небесная бесконечность открывается во всей своей красе. Но даже она не способна надолго задержать взор. Медленно укрывает своим покрывалом дремота. Ты перебираешься в палатку и засыпаешь под убаюкивающее сопенье истины.

Июль 2009 г.

* * *

Когда погаснет за спиной
Последний квант дневного света.
Когда приходит за тобой
Лишь тьма. И нет ответов.

Любовь осталась позади.
Надежда мраком растворилась.
И больше некуда идти.
И вера в пустоту оборотилась.

Но искорка сознания точит
Мысль об окончаньи бытия.
И мудрость Бога этой ночью
Придёт спасеньем для тебя.

Иди, если не хочешь раствориться.
Терпи, любя, коль хочешь быть.
И вот конец тоннеля будто снится,
И свет рожденье новой жизни
возвестит!

Апрель 2009 г.

* * *

Когда насытятся те псы,
Забыв о благородстве волчьей стаи!
Забыв совсем, кто их хозяин,
Уставший дёргать под уздцы.

Без привязи, оставшись в воле,
Грозно рычат, подняв ворсок.
Стремясь пожирней урвать кусок.
А, опоздав, фальшиво воют.

И мило твякают, оставшись без обеда.
Привыкши много жрать от пуза,
Забыли тяжесть возложившей груза
Руки, терпевшей без ответа.

Когда же лопните, как шарик мыльный?
Вздохнёт хозяин – жалко, но свободно!
Но как без друга? Вот безродный
Новый пёс хвостом вильнул умильно...

Июнь 2009 г.

Журналы издательства «Век Искусства» «Край городов» и «МОСТ»
можно купить в Санкт-Петербурге в книжном салоне «Летний сад»
(Большой пр. П.С., д. 82, вход через арку), в книжном киоске при галерее
«Борей» (Литейный пр., д. 58) и в книжном магазине «Телеклуб»
(Каменноостровский пр., д. 13, вход с Австрийской площади), почитать в
Российской Национальной Библиотеке (Санкт-Петербург) и Российской
Государственной Библиотеке (Москва).
О наших проектах подробно: <http://artage7.4sql.net/>

ПОДПИСКА на 2009 год – e-vi@list.ru, lado_d@mail.ru.
Также присылайте ссылки на свои проекты, пишите по вопросам
размещения рекламы, предложения по распространению журналов.

Дмитрий Свентицкий

Тишина

Молодой человек сидел и смотрел в пустое окно. Каждый день, уже на протяжении многих лет, он сидел и смотрел. Но в окне было пусто. Этот город, эта улица уже давно мертвы и пустынные. В какой-то один прекрасный момент всё пропало, пропала сама жизнь. Мегаполис умолк.

Но он остался, остался один. За размышлениями он проводил множество вечеров. Он гадал, случайность ли это, гнев или милость, счастье или огромная печаль. Он не мог дать себе ответа, и никто бы и не ответил на этот вопрос, ибо некому уже. Да и не нужен этот ответ, он придёт сам, но позже.

Времени у него было теперь вволю. В один прекрасный ненастный и дождливый день он предавался воспоминаниям. Он вспоминал их всех, всех, кто над ним смеялся, всех этих напыщенных идиотов и пустословов. Которые казались умными, живыми, а на самом деле были лживыми недоумками.

Минувший век был богат людьми такого сорта. Эти люди поработили планету. И сместить с этого поста их было нелегко, а может быть, даже и невозможно. Но планета была немилостива к такому положению, она была просто в гнев.

Многие тысячелетия она терпела все выходки людей. И теперь она решила наказать их. Люди просто пропали, ни один учёный не смог бы решить эту задачу – как и почему так произошло. Как в один момент всё многомиллиардное население планеты кануло в лету.

Их больше не было.

Но один человек остался, и он не знал – почему. Ещё в те дни, когда люди убивали планету, он уже хотел, чтобы от него отстали. Он желал прогуливаться по улице, чтобы никто не мешал его размышлениям, его думе. Его желание исполнилось. Но хотел ли он именно этого. Ведь у него, так же, как и у всех, были друзья. Которые его понимали и слушали, хотели слушать. Которые не входили в секту паразитов и лицемеров. Почему же они тоже пропали, так же, как и все.

Бывали дни, когда ему становилось совсем уж плохо. Обычно при этих приступах одиночества он садился на середину дороги и ждал, что сейчас услышит рёв мотора или гнусавый лицемерный смех. Но одно в этих моментах было ему знакомо: какое-то чувство, которого сейчас в избытке, но которое он не может вспомнить.

Всё-таки в глубине души он был доволен, доволен своим положением.

Ему доставляло большое удовольствие сидеть где-нибудь на возвышенности, смотреть на небо серого цвета и слышать – нет! – чувствовать тишину.

Прошло уже много лет, но он всё жил. Вечером он, как обычно, решил прогуляться по парку, так как пустые и серые улицы стояли уже поперёк горла. А в открытом и пустом парке он чувствовал себя иначе, он не мог объяснить, почему.

Он шёл по грустной набережной и напевал какую-то песню. Но вдруг он понял: он нашёл ответы на вопросы, которые сами вломились к нему в голову. И в этот же миг он перестал существовать, он стал частью планеты, радушно принявшей его.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕК ИСКУССТВА»

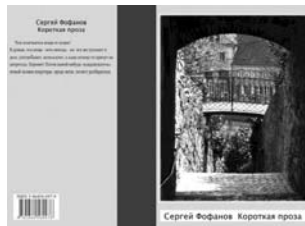
«Любви чарующие звуки», сборник любовной лирики поэтов-современников

Сборник «Любви чарующие звуки» содержит более 200 произведений поэтов наших дней. Книга наполнена признаниями, эротическими и шуточными стихами, немного затронуты темы безответной любви и любви на расстоянии.

Красивое и стильное оформление, 210 страниц.
Заказ сборника: lado_d@mail.ru (Диана Доронина).
Цена с пересылкой: 150 рублей.

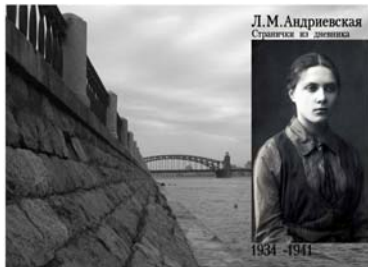
Сергей Фофанов «Короткая проза»

Это книга коротких интересных рассказов о любви и о времени. С. Фофанов – правнук знаменитого поэта начала XX в. Константина Фофанова. Текст изготовлен в лучших традициях русской литературы.

Фофанов, Сергей Николаевич
Короткая проза: [Рассказы] – СПб.: Век искусства; Нива, 2007. – 31 с.
Заказ сборника: lado_d@mail.ru (Диана Доронина).

Л.М. Андриевская «Странички из дневника»

Вниманию всех, кто интересуется творчеством Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Александра Блока, культурой периода 1900-1940-хх гг.! Вышла книга воспоминаний Лидии Андриевской: дневниковые записи, которые открывают неизвестные странички в истории литературы и ленинградской блокады. Также в книге опубликованы стихотворения Л.М. Андриевской.

Андриевская, Лидия Михайловна
Странички из дневника. 1934-1941: [Текст]. – СПб.: Век Искусства; Нива, 2006. – 95 с.: ил.

По вопросам приобретения обращайтесь в редакцию: e-vi@list.ru, lado_d@mail.ru.

Сергей Земцов

Теодицея

Машина для Зла

Человек – отличная машина для Зла. От людей надо прятаться, они убивают целенаправленно. Добрая бабушка может оставить след в сознании. Но практика, как критерий, приводит к положительному Результату. Нам нужны успехи.

Истинное сумасшествие – криминал. Что-то щёлкает в сознании, и Зло ничему не противоречит. Потом составят дело из ста томов с анализом причин сумасшествия, а дело сделано – человеку оставляют общий диагноз «был вменяем». Ничто не могло остановить – его экзистенция была превыше принципов морали.

Простейший пример из учебника криминалистики: девочка отрезала голову своему спящему отцу, а её клиника сознания есть феномен с невыясненной этиологией. Или хотите, чтобы я начал с мелких воришек? Механизм во всех случаях один и тот же – «пре-ступление». Щелчок в голове – и ты свободен, ты можешь «пре-ступать».

Изобретение, планирование технологии Зла, ставка на Зло – обычная история, никто не удивляется, это функционально, это работает. Это как полезная боль, причиняемая хирургом.

Высшей ценностью часто считают нравственность, запрограммированность на добрые поступки. Насколько надёжны известные программы? Наиболее известная историческая программа – контроль со стороны Бога, религиозная мораль. Далеко не всегда эта программа надёжна.

Можно иметь двойной стандарт – быть машиной для Зла и делать локальные добрые дела. Гибкость и избирательность. Можно, наоборот, – быть почти Святым, но дорога вымощена в Ад. В данном случае всё равно, стандарт морали нуждается в управлении, и так далее, до дурной бесконечности.

Парадоксально то, что и добрый человек может быть вполне сумасшедшим. Думая, что делает добро (всё наоборот), он причиняет страдания хуже, сильнее и больше, чем иной слабенький злодей.

Говоря проще, если Бог контролирует ситуацию, а контроль ненадёжный – какой же он Бог? Но есть разные теодицеи – от Лейбница, от Бердяева, от местного батюшки из церкви.

Вероятно, существуют индивидуальные теодицеи, которые вырабатываются исключительно персонально.

«God is the concept by which we measure our pain». Когда мы говорим «бог существует» и говорим «мне больно», у этих высказываний есть нечто общее. Могут спросить: «Что такое бог? Я не совсем понимаю», – а также требуется уточнить, «что именно болит? Мне надо поставить диагноз». То, что называется «любовью», снимает ограничения на понимание: если любимый человек говорит «мне больно», ему верят, так как любовь или просто интимная близость, хотя бы здесь и сейчас, предполагают единое поле восприятия мира.

Таким образом, «Бог», «любовь», «боль», «преступление» – набор понятий, которые мне понадобятся для размышления о человеке как о «машине Зла». Для размышления о том, какое оправдание такой «человек» имеет в собственных глазах. А также: если конструкция мира допускает такого «человека», то как такая «конструкция» находит оправдание, или достаточное основание, в Уме Бога, или просто оправдание с точки зрения какого-то рационального Ума?

Если учесть, что обычно мы пытаемся доказать результат, который нам «хочется» иметь без всякого доказательства, то, предположим, я лично сторонник Добра, но можно откровенно и определённо сказать, что есть люди с противоположными убеждениями, как бы они не уклонялись от прямого ответа. Зло очень эффективно и конструктивно – с помощью некоторой технологии Зла можно решить жизненно важные вопросы для своей семьи, для своего народа. А что может быть выше этого?

Да, если я и говорю, что «я сторонник Добра», ну кто мне поверит?

Ненависть и депрессия

Размышляя о Зле, проще начать с характеристики Ненависти – многообразной и кипучей эмоции, которая представлена целыми направлениями современного искусства. С плохим настроением, депрессией можно бороться, сублимируя их в стихах, песнях, памфлетах, перформансах. Фильмы ужасов – источник необходимого адреналина. Представления о вампирах далеко ушли вперёд.

Наряду с любовью к ближнему иная доза ненависти, к врагам, к «другим», естественна, а во времена войн, «убей фашиста!», она и банальна.

Из ненависти можно делать шедевры, по крайней мере, очень популярное произведение. Не следует всё понимать буквально, умный человек всегда понимает, как такие вампиры редко обнаруживают себя в повседневной реальности, но важен концепт.

Какое место практически отводится Добру в современном мире? Добро – элемент раннего воспитания, счастливого детства. В первую очередь добро по отношению к своим родителям, братьям, сёстрам. Во вторую очередь – к своему народу, родине. А ко всем ближним любовь – это уже абстракция, по крайней мере, допустимы исключения и особые условия. Какое место практически отводится Злу в современном мире? Зло – инструмент борьбы, выживания. Зло пропагандируется всеми средствами массовой культуры.

Подход номинализма

Если Бог – это только концепция, то теодицея Бога – всего лишь непротиворечивость концепции. Это важно постольку, поскольку концепция важна для нас.

Как в конвенциональной медицине: если диагноз не поставлен, врач не понимает, о какой «боли» идёт речь. Наоборот, если «боль» надо (!) лечить, изобретается диагноз, диагноз как конвенциональная корзина для медицины как для бизнеса. Кстати, медицина как традиционный бизнес есть иллюстрация того, что вообще бизнес отличное изобретение человечества, а не какая-то там погоня за прибылью любой ценой и обман народа эксплуататорами.

Подход реализма

Если Бог – это часть Бытия, и мы испытываем к Богу страх, трепет и ужас, либо любовь, то как следует понимать «оправдание» такого существа?

Видимо, в этом случае важны наши выводы: мы продолжаем любить такого Бога, который допускает Зло, или наш Страх Божий становится иным, в зависимости от теодицеи?

Сострадание к ближнему вытекает также из доверия к реальности бытия чужой боли. Сострадание не может быть коллективным, это не то, когда все голосуют «за».

Политтехнологии

Воля к власти, очевидно, нуждается в поддержке. Причём добрые люди охотно внедряют в своё сознание все необходимые оправдания насилия, дискриминации, деятельности спецслужб – так же, как они платят налоги государству. Добрым людям необходимо что-то вроде «научного коммунизма» либо «евангелия».

Современный человек сильно привязан к государству, он привык к комфорту, к ценам на бензин, к услугам. Манипуляторам, политтехнологам, нейрореполитикам отлично известно, что разные современные нити управления можно расчётливо дёргать – для повышения вероятности достижения некой заданной цели.

Религиозные состояния доброго человека, можно сказать, пограничные состояния. Политтехнологии не считают религию основным фактором, но, в общем-то, практика Церкви, то есть земной Церкви, всегда была отчасти манипулированием и зомбированием.

С точки зрения политтехнологов, теодицея Бога вообще ложная проблема, до этого уровня политтехнологии не проникают. Вот важно, чтобы «начальника машина переехала», чтобы «таблетки снотворного в продаже были»...

С точки зрения объекта политтехнологии, почему-то, когда этот объект загоняют в угол, он всё же вспоминает о Боге, а к тому же есть люди «верую-

щие». Если на последних смотреть, как на электорат, то на них можно потратить особые ресурсы.

В общем-то, политехнологи унаследовали концепцию бихевиоризма о том, что человек – это «крыса в лабиринте».

К счастью, Старший Брат не имеет возможности стопроцентного контроля. У него только вероятность получения результата. Поэтому в моменты высшей интенсивности бытия, когда смысл жизни всё же есть, человек думает об оправдании Добра и Зла. В некоторых случаях он сходит с ума.

Отягощённость Злом новейших форм искусства

В XX веке наблюдается скачок в истории модернизма – появление массовой культуры, культуры открытого общества, переходящей в радикальные выражения вебкультуры и блогосферы. Не ясно, можно ли назвать вебкультуру – вообще культурой, или Интернет – это «рояль, на котором играет обезьяна». По крайней мере, ясно, что образование не может быть полностью online, сохраняется различие между информацией и знанием. По-прежнему читать, слушать лекции живых людей, писать книги считается полезным для гуманитарного образования.

Тем не менее, культивируется образ человека, посещающего fitness-клуб, страдающего навязчивым shopping, читающего гламурные журналы. Для такого человека открыты социальные сети, видеоблоги – инфраструктура кредитоспособного потребителя. Как реакция на поп-культуру возникла панк-культура. Панк-культура представляет, на мой взгляд, больший интерес тем, что она менее искусственна и чище по сравнению с поп-культурой. А также панк-культура – интересная форма манифестации Зла. В некотором смысле панк-культура стала местом, где получила убежище поэзия. По крайней мере, это очевидно, если сравнить Филиппа Киркорова с Егором Летовым. Или Michael Jackson с Ian Curtis.

Отягощённость Злом новейших форм искусства, доступного благодаря Интернету миллионам, не может остаться незамеченной философами. Непосредственно в новейшем искусстве иногда схематично, но точно изображены ключевые для мышления образы.

*As far from God
As heaven is wide
As far from God
As angels can fly*

*If holy is as holy does
This house will burn straight down to hell
Take it's conscience with it
As it falls*

*Nothing said could change the fact
My trust was blind
You broke the pact
If God's my witness, God must be blind*

Подобные образы предлагаются как простая массовая популярная песня для подростков. Если отправной пункт размышления подростков программируется такими тяжёлыми структурами, то либо подростки становятся поголовно вундеркиндами, «гадкими лебедями», либо у них вырабатывается здоровый иммунитет к ценностям, которые для Ницше были последним словом классической культуры.

Отягощённость Злом новейших форм техники

Разрушители машин были во все времена. Тем не менее, техника в наше время всё больше интегрируется с культурой.

«Штокхаузен назвал аккуратное взрезание умелыми самоубийцами 11 сентября 2001 года двух высочайших в мире манхэттенских башен, человеческих муравейников, при помощи двух больших пассажирских самолётов, наполненных людьми, совершенным произведением искусства. Восхищает дружная работа слившихся с машинами, захваченных участием в слаженной операции команд. Фантастическая электроника, которой они пользуются, интереснее современного художества».

Если посмотреть на американские фильмы «Transformers», «Eagle Eye», сериал «24» глазами подростка, даже опережающие реальность фантастические возможности техники и технологии активизируют Зло лучше, чем боевые искусства, войны Толкиена, ужасы зомби. Интернет в каждом доме – поле для консолидации Зла.

Ложь, Обман, Игра против Зла

До того, как появилась заповедь «Не убий!», возможно, Зла как такового и не было.

Охотник должен был обмануть на охоте зверя, чтобы убить его и накормить себя и своих детей. Другое племя также подлежало обману, вытеснению из ниши обитания.

Вообще, обман – это ещё не Зло, обман – это разумный приём, без которого, вероятно, и не преодолеть текущую установку косного большинства, которое только после того, когда будет обмануто, поймёт тут же, что обман был ему на пользу.

Согласно Церкви Сайентологии Рона Хаббарда, пропорция в обществе между социальными и асоциальными личностями (social and antisocial personalities) должна контролироваться, кем же ещё, как не спецслужбами?

Любой контроль – основан на обмане. Ложь во благо – нормальный метод и совершается во имя Добра.

Поэтому абстрактное осуждение Зла вообще не имеет смысла. Смысл имеет исторический подход к проблеме. Как известно, Добро и Зло являются предметом морали, а мораль вот уже две тысячи лет представлена христианским учением. Безусловно, фактов о ранних христианах никто не отменяет – они шли на смерть, не отрекаясь от своих идей, несмотря на ужасы преследования.

В наше время часть христиан отделила себя от христианской церкви разными способами: Папа Римский недостаточно хорош, Свидетели Иеговы слишком буквально прочитали текст Библии, православная церковь в СССР была ангажирована КГБ и так далее.

Я знаком с христианами, которые отрицают Церковную жизнь и совершенно неагрессивны – они, по существу, одиночки и верят в личное спасение без участия в общине, или секте. На самом деле тот духовный путь, по которому они движутся, с точки зрения сайентологии Хаббарда опасен, таких одиночек всегда можно зачислить в группу, представляющую угрозу обществу. Безопасны только христиане, выполняющие процедуры своей конфессии.

Тем не менее, чтобы сделать какие-то выводы о пути развития Добра и Зла, хотелось бы опереться на христианство как массовую, популярную в течение двух тысяч лет, конфессию. Это реальная почва, на которой пытались привить всеобщую мораль человечеству и улучшить человеческую природу. Христианский мистицизм есть нечто более специальное, чем попытки «координации» взглядов всех, кто разделяет веру в Иисуса Христа и делегирует церкви право контролировать эти взгляды.

Интересные попытки сделать такие выводы о результатах христианского воспитания Человека предпринимал Василий Розанов, которого по очереди обвиняют как в антисемитизме, так и в юдофилии. Подобные обвинения, вообще-то, праздны. Антисемитизм и юдофилию можно обнаружить везде, это массовое сознание. Не надо опускаться на уровень анекдотов.

Но вопросы Розанова поставлены очень точно. Было ли христианство «оторвано от живого иудаизма»? Можно ли отказаться от иудаизма вообще и считать христианство этапом развития всего человечества в целом? Избранность еврейского народа останется ли истиной на ближайшие будущие две тысячи лет?

Один человек спросил меня совершенно серьёзно: заповедь «Не убий» подразумевает «не убий еврея» или это запрет на всякое убийство? Ведь Талмуд не запрещает давать деньги в рост «нееврейам», но запрещает ростовщичество по отношению к своим евреям. Вот вам хороший пример обмана, который не является Злом. Этот пример лишён иронии, так как в истории других народов можно найти примеры аналогичных национальных проектов.

Таким образом, понятие Зла более абсолютное, чем тактический Обман. Обман, тактическая ложь ещё не означают Зло, например, убийство или геноцид. Возможно, отождествление Обмана и Зла объясняет во многом происхождение и устойчивость антисемитизма. На самом деле Обман, хитрость или Игры людей естественны. Животные убивают других животных, люди обманывают друг друга ради выживания.

О каком же Зле идёт речь? Очевидно, так же, как Истина, Зло – это процесс. Критерии Зла зависят от времени и места. В таком случае весьма правдоподобно то, что оправдание Зла в некоторых рамках неизбежно. Существует ли абсолютная порция Зла, которое всё же не может иметь оправдания, и даже совершенство Бога и Творения подвергается сомнению, если такое Зло существует?

Контроль

Широко известна так называемая «кровавая история Британской Империи», результатом данного Зла является современная англо-саксонская цивилизация. Миллионы бывших граждан СССР, несмотря на то, что СССР больше не существует, продолжают верить в героизм «хорошего Сталина», в мудрость Ленина и Дзержинского, и для них относительно то Зло, которое существовало в атеистическом государстве для рабочего класса. Зороастрийские религии и многие религиозные ереси трактуют о борьбе сил Света и сил Тьмы, то есть как таковое Зло не считают «Злом».

Создаётся впечатление, что вообще Добро – это тень Зла в том отношении, что можно оставаться в тени, когда есть возможность расслабиться. Категорический императив этики утверждает, что надо поступать с другими как хотелось бы, чтобы поступали с тобой, – вот вам повод для Добра. Всего лишь повод – когда ситуация стабилизировалась – можно отказаться от активных действий и заняться благотворительностью.

По крайней мере, ясно, что трудно отличить сыновей сил Света от сыновей сил Тьмы. Всё же в иудаизме возникло целое направление для того, чтобы как-то решать данную задачу, и силы Света оставили нам свитки Мёртвого моря.

Что касается христианства, то как бы мы не пытались смотреть исторически «в корень», остаётся простой вопрос: Иисус Христос является на самом деле сыном Бога или нет? Это вопрос веры, разумеется, и этот вопрос и есть форма теодицеи Зла, или это вопрос о конструкции нашего мира. Поскольку Зло, особенно в социальном и политическом контексте, очень функционально и по сути оправданно – религиозный аспект продолжает оставаться актуальным. Другими словами, вспомним Достоевского: если Бога нет, всё позволено. В таком случае, что такое Контроль?

*Спеленай надёжными цепями
Своего безнадёжного Христа*

*Скользкие вены
Скользкие тревожные вены*

*Поцелуй холодными губами
Своего зазеркального Христа*

*Круглое небо
Кто накажет круглое небо?*

*Задуши послушными руками
Своего непослушного Христа*

(Игорь Летов)

«Love, love will tears us apart again». Психологически достоверный аргумент против Зла – это возможность и реальность любви. В данном случае не стоит рассматривать различные аналитические определения любви. Скажем, не у всех было так называемое «счастливое детство», часто криминалисты находят, что преступник действовал, опираясь на душевную травму. Но опыт люб-

ви, и опыт добра многим знаком непосредственно и может быть исходным пунктом для построения Картины Бытия. Другой вопрос, что любовь может и «разделять нас».

Если посмотреть на христианскую любовь всё же «неправильно» с точки зрения христианина, а глазами Розанова, который признал иудаизм первичным духовным течением, то дизайн христианской любви – разделение.

Израиль – это «Тибет Средних Веков». Сейчас Тибет в Непале – обещает человечеству Майтрею. С точки зрения Контроля, это сумасшествие. Дианетика Хаббарда и прикладная психология спецслужб опираются на христианство, Страх и Ужас Кьеркегора и Хайдеггера.

Вялотекущее Зло

Наряду с активным Злом, которое можно считать проектами преобразования мира, существует также разновидность «нормального Зла» в науке и в искусстве. «Нормальным» его можно назвать, следуя духу определения «парадигмы нормальной науки» Куна, и особенно актуально это определение в эпоху Интернета и различных революций Интернет-культуры. Следуя модному термину советской карательной психиатрии, эту разновидность Зла можно назвать вялотекущей.

Понятие революции девальвировалось и стало только лишь модным термином после 60-х годов XX века. В связи с интеграцией бизнеса и культуры революцией стали называть простое продвижение коммерческого продукта, или маркетинг любого нового продукта. Примером может быть «революция web 2.0», которая всего лишь позволяет пользователям Сети быстро манипулировать user defined-контекстом методами так называемых социальных сетей.

Целое направление концептуального искусства может быть создано и упаковано в Сети единственным или несколькими авторами этого направления, и web design нового артефакта невозможно отличить от старого академического произведения XIX века.

В принципе видеоклип на Youtube, посвящённый любимой собаке, нельзя отличить от акта творчества постмодернизма или концептуализма. Если Интернет-контекст достанется будущим археологам, им придётся разрабатывать революционные методики обработки исторических фактов.

Пока что считается, что никто не отменяет традиционного образования, и информация не заменит знание. В определённом смысле быстрый поиск информации в Интернете – всего лишь удобный сервис. Однако меняется отношение между так называемой «элитой» и так называемым «мужиком из народа». Последнего уже «не поставишь на колени и не станешь бить палкой» или там колотушкой дзен-буддизма. С точки зрения бизнеса, все есть равные потребители, и с точки зрения Интернет-транзакции, всё равно кто оплачивает услугу кредитной карточкой.

То, что пока ещё остаётся достоверным, так это message. В одном случае попытка «перетаскивать червяка из одного клюва в другой», в другом случае проблеск подлинности.

В ранней молодости я наивно полагал, что учёные делают открытия, или хотят делать открытия. Оказалось, что «нормальная наука» – это скорее «охранка», в лучшем случае неплохой образ жизни, смакующий образование и культуру – существующий на прокрустовом ложе диссертабельности. То же самое относится, например, к постмодернизму – работа в постмодернизме скучна и направлена на сохранение своего острова.

*Я смотрю, что надо смотреть,
Я читаю, что надо читать,
Понимаю, что надо терпеть,
Когда надо глаза закрывать.*

*Я живу твоей головой,
Покоряюсь твоей судьбе,
А вообще я доволен собой,
Потому что так нужно тебе.*

*То, что скажешь, – исполню вмиг
И скажу то, что надо сказать,
Если где-то раздастся крик,
Я скажу – не надо кричать.*

*А вообще мне на всё наплевать,
Он уныл, тобой выбранный путь,
Ты дала мне возможность лишь пить,
Если вдруг ты будешь тонуть,
Я не стану тебя спасать,
Я буду топить...*

(Сергей Жариков)

В целом данной разновидности Зла присущи снобизм, ирония, – и произведения искусства, связанные с ней, трансцендентальны. Некоторые одиночки совершают прорыв, связанный с тем, что они ставят себя в ситуацию непосредственного участия. Другими словами, если не созерцать со стороны экзистенциальный ужас Зла и не делать его объектом дискурса, а пережить этот ужас мгновенно и остро, то личный опыт этого переживания может быть разделён, и это своего рода «подвиг», подвиг быть героем, хотя бы на час.

Террористические акты

Конечно, можно сколько угодно рассуждать о Зле, характерном как для тоталитарных режимов, так и вообще для государства, а именно спецслужбах, реализующих Контроль, чреватый по своей природе злоупотреблением по отношению к правам человека. Но ещё Томас Гоббс написал сочинение о государстве:

«Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни – Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан».

В связи с обострением террора в конце XX века очевидно, что Левиафан актуален. Контроль над сумасшедшими нужен, нужны подразделения для борьбы с террористами, которые опираются на осведомителей, прослушивают телефонные разговоры, и, конечно, в какой-то степени коррумпированы. Деятельность спецслужб оплачивается налогоплательщиками так же, как и деятельность прагматиков от медицины, умеющих делать операции и лечить травмы.

Я жил семь лет в Израиле в период интифады и так и не смог привыкнуть к атакам самоубийц-арабов, хотя коренные израильяне привыкают – лишь ненавидят их и продолжают ездить на автобусах и ходить на дискотеки. Для меня каждый новый взрыв шахида был «свежим событием» и был для меня потрясением. Поэтому я хорошо понимаю реакцию на взрыв на Дубровке в Москве, когда журналисты просто растерялись.

Но что удивительно, так это слушать оправдания арабов, взрывающих себя в Израиле: дескать «кто-то их понимает». Вопрос о том, что арабы в Израиле живут в условиях сионистской оккупации не совсем простой. Рассуждения арабов об оккупации явно раздуты, но положение арабов, конечно, зависимое. Как сказал Ариель Шарон после очередного теракта, «все цветущие города в Израиле построены евреями», а арабы работают на стройках, в гостиницах, и отношение к ним, как к людям второго сорта. Если это так, то можно ли «их понять», когда они начинают «бороться»? Оказывается, можно! Во всех университетах Израиля можно встретить студентов-арабов, все банки Израиля и социальные службы обслуживают арабов как равноправных граждан, но арабы обижены тем, что они арабы. Поэтому, якобы, можно понять, что они вербуются Хамасом и Хисбаллой в смертники, – и на деньги, которые перечислят семье за мученическую смерть шахида, уезжают из Палестины куда-нибудь в Лондон.

Данный материал заставляет задуматься над общими вопросами Добра и Зла, к которым я пытаюсь подойти с точки зрения философской дедукции. Вернёмся теперь к любви к ближнему, которая «абстрактна» по сравнению с конкретным отношением к матери, отцу, братьям, сёстрам, своему народу.

Люди, конечно, не уничтожают друг друга так, как это делают животные-хищники, но люди играют в Игры, и цель игры – получить преимущество. Поэтому евреи давали деньги в рост гоям и не занимались этим по отношению к своим. И хорошо известны законы против евреев в Европе, запрещающие им владеть землёй, что и стимулировало их занятия финансами. Вспомним также Большую Игру Британской Империи с Индией и Россией, которая продолжается и в наши дни. Вспомним пакт Сталина и Риббентропа.

Таким образом деятельность разведок, спецслужб становится даже героической деятельностью – особенно с точки зрения тех, кто там работает. Неужели Старшего Брата надо полюбить, даже если эта любовь иногда внушается с помощью крысы, готовой разорвать ваше лицо?

История безумия

По сравнению с XVII веком в XX веке наблюдается прогресс в лечении и профилактике душевных болезней. Раньше душевнобольных заворачивали в холодные простыни, сажали на цепь. В XX веке изобрели нейролептики, которые рекомендуется употреблять в течение всей жизни для «успокоения

сознания». На вебсайтах размещаются видеointервью с амбулаторными больными, которые слышали раньше голоса, а начав лечиться, ничего такого больше не слышат. Добро и Зло – это лингвистические метки, и библейские пророки, беседующие с ангелами, – клиника.

Психологи, психоаналитики – важные консультанты бизнеса, помощники «успешных людей». Сенаторы и конгрессмены учат «боевое НЛП». К герою повести Брэдбери, который по ночам выходит погулять на свежий воздух, в любой момент могут прислать пожарников для уничтожения библиотеки или участкового психиатра. Это всё побочные эффекты благородной деятельности спецслужб Левиафана.

В медицинской энциклопедии пишут о невыясненной этиологии душевных болезней, но фармакологический бизнес процветает.

«If neuroleptics were used to treat anyone other than mental patients, they would have been banned a long time ago. If their use wasn't supported by powerful interest groups, such as the pharmaceutical industry and organized psychiatry, they would be rarely used at all. Meanwhile, the neuroleptics have produced the worst epidemic of neurological disease in history.

The neuroleptics mainly suppress aggression, rebelliousness, and spontaneous activity in general. This is why they are effective whenever and wherever social control is at a premium, such as in mental hospitals, nursing homes, prisons, institutions for persons with developmental disabilities, children's facilities and public clinics, as well as in Russian and Cuban psychiatric political prisons».

По отношению к антипсихиатрическим настроениям в обществе, если не считать, например, ценным мнение Новодворской, можно использовать в точности те же самые аргументы, что и против антитоталитарных настроений. Нужно бороться с террористами, и нужно изолировать от общества душевнобольных.

Несмотря на то, что некоторые случаи душевных заболеваний очевидны и просты, больные люди беспомощны и нуждаются в простом уходе, или в социальной помощи, как пишет Мишель Фуко, «всякий индивидуум, признанный сумасшедшим, будет принудительно и сразу получать статус объекта; отчуждение сумасшествия окажется той истиной, которая образует сердцевину любого объективного познания человека». Отсюда происходит «безграничное доверие народа» к психологам, к психиатрам, которое оборачивается Злом, чревато злоупотреблением. Опять в данной ситуации противопоставляется социальный коллективный «здоровый человек», упоминаемый также в работах Абрахама Маслоу, и одиночка, «мутант», за которым, согласно одобрению «большинства из народа», допустимо наблюдать и следить. Как ясно формулирует мысль Мишель Фуко, «хитрость безумия торжествует вновь: мир, полагающий будто знает меру безумию, будто находит ему оправдание в психологии, принуждён именно перед безумием оправдывать себя, ибо в усилиях своих и спорах он соразмеряется с безмерностью таких творений, как произведения Ницше, Ван Гога, Арто. И нигде, менее всего в познании безумия, он не находится в уверенности, что эти творения безумия оправдывают его».

Природа человека

Природа человека всё же остаётся проблемой, которую не смогло решить христианство за две тысячи лет, а также к этой проблеме не может подобрать-ся никакая «мудрость» с тем, чтобы указать общезначимые решения для всего человечества.

С точки зрения известного направления в философии, можно только показать «мухе выход из бутылки». Сторонники Библии, Корана и объективной истины безусловно бьют себя в грудь, что они владеют Истиной, но они не могут договориться между собой.

В дни обострения войны с терроризмом можно было слышать и видеть на телевидении выступления раввинов о том, что еврейский народ обладает Wisdom, который необходим не только еврейскому народу, на самом деле демонстрирующему чудо жёстковейности и приспособленности, но и всему человечеству в целом и в будущем. Строго говоря, мы не знаем, может быть, это правда. Но, строго говоря, человечество имеет перспективу опереться и на другие источники Wisdom. Вопрос о соотношении антисемитизма и юдо-филии скорее праздный, хотя и не выходящий из моды.

Так или иначе, вопрос о природе человека как он решался с помощью религиозной морали, а также как он трансформировался в науке для того, чтобы обслуживать разные социальные заказы – не имеет современного удовлетворительного решения.

Пока что не найдены рецепты для всего человечества как для единой расы на Земле. Если «просветление» возможно, то это исключительно просветление одиночек. Или это сползание в полный цинизм и безбожие, как понимал «безбожие» русский модный писатель XIX века Достоевский, писавший «мыльные оперы про нигилистов».

Приходится говорить и размышлять и о Боге не с библейских позиций, а с точки зрения базовой интуиции, присутствующей в сознании. Библейский иудео-христианский Бог – это скорее Картина, в которой демонстрируется некое Сущее на Небесах, в то время как «дружба с Богом» считается, прямо скажем, сумасшествием, ересью и сектанством.

Вернёмся опять к Томасу Гоббсу:

«Ибо не голые слова, а намерение пишущего даёт тот истинный свет, при помощи которого должно быть истолковано всякое сочинение. А те, кто цепляется за отдельные тексты, не принимая во внимание основной цели, не могут ничего ясно вывести из них. Напротив, бросая атомы Писания как пыль в человеческие глаза, они делают всякий смысл более тёмным, чем он есть на самом деле, – обычная уловка тех, кто ищет не истины, а собственной выгоды.»

Олег Лаврентьев

Лаврентьев Олег Николаевич, родился 4 мая 1973 г. В 1996 г. окончил Одесскую государственную морскую академию, диплом по специальности «Инженер-судоводитель». Работаю старшим помощником на балкерах. Живу в Одессе. Женат, имею двоих детей. Печатаюсь с 2003 г. Первая повесть «Веллер» опубликована в журнале «Дерибасовская Ришельевская».

Поколение

В начале апреля отцу стало хуже. В местной больнице ничего определённого сказать не смогли, повезли в районную. И здесь подтвердилось самое худшее – рак. Нужно было делать операцию, но отец наотрез отказался.

– Поймите, у вас неплохие шансы, – настаивал лечащий врач, но отец прямо твердил:

– Незачем всё это, хватит, пожил.

Когда он вышел из кабинета, я озадаченно посмотрел на врача: ну что с ним делать?

– Знаете что, – предложил он, – а пускай он поговорит с Иваном Сергеевичем, с хирургом. Может, он его сможет убедить.

Я отправился искать хирурга. Иван Сергеевич оказался сухоньким низеньким старичком со впалыми глазами на сильно морщинистом лице. Выслушав меня, он кивнул головой:

– Конечно, конечно, всё понимаю. Пускай подходит в наш сад, я минут через десять там буду.

О чём они толковали, сидя на скамейке, я сказать не мог, хотя внимательно наблюдал и старался понять. Во всяком случае, хирург не чертил на земле схемы, да и не сильно убеждал, по крайней мере, внешне. Говорили оба спокойно, не торопясь. Со стороны казалось, что это два старых приятеля сели побеседовать. Они даже были чем-то похожи: оба маленькие, сухие. Только хирург был седой, а отец сохранил натуральный цвет волос.

Минут через десять Иван Сергеевич поднялся, кивнул и пошёл в больницу. Отец остался сидеть. Я подошёл и, боясь поверить, спросил:

– Ну что?

– Ну что, – спокойно ответил он, – лягу на операцию.

И, заметив мой удивлённый взгляд, добавил:

– Фронтвик он, как и я на первом Белорусском воевал. Это не нынешние врачи, через него не одна тысяча раненых прошла. Для него человеческое тело, что открытая книга.

Операция прошла успешно. Два года отца ничего не беспокоило, а потом боли возобновились.

– Ничего, – говорил отец, трясаясь по дороге в район, – пойду к Ивану Сергеевичу, он меня быстро приведёт в норму.

В регистратуре переспросили фамилию врача, а потом ответили:

– Год, как не работает, – и пояснили: – Умер.

Мы вышли во двор, отец зажёл сигарету, глубоко затянулся. Я заикнулся о другом враче, но он невесело усмехнулся:

– Нет, не проси. Подарил мне Иван Сергеевич, царство ему небесное, два года, и хватит. Видно, пришло время для нашего поколения, ничего не попишешь.

Все попытки уговорить отца окончились ничем. А через три месяца его не стало.

03.09.2008

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСИИ

КОНСТАНТИНОВО

Рязань

3-4 октября 2009 года

Литературно-музыкальный клуб «Век искусства» приглашает Вас на литературные экскурсии в Константиново! Здесь 3 октября 1895 года родился поэт Сергей Есенин. Здесь прошли его детство и юность. Сейчас центральная часть села Константиново – есенинский заповедник. В нём разместился комплекс мемориально-литературного музея С.А. Есенина.

Наша культурная программа – это экскурсия по музею Есенина и по достопамятным окрестностям Константиново: дом-музей артистов братьев Пироговых в Новосёлках и Институт пчеловодства в г.Рыбное.

Отчёты и фотографии с прошлых встреч:

<http://artage7.4sql.net/>

<http://www.stihi.ru/author.html?verika>

<http://vkontakte.ru/club350185>.

ПРОГРАММА

(возможны изменения):

На субботу:

7.15: Если участники в Москве, то они выезжают самостоятельно экспрессом из Москвы, с Казанского вокзала. Если в пятницу участники прибыли в Рязань и разместились в гостиницах города, то они едут с инструктором из Рязани.

10.00: Прибытие в Рыбное. Экскурсия по Институту пчеловодства.

Едем в Новосёлки в дом-музей братьев Пироговых. Потом в Константиново. Экскурсия по лит. музею и другим объектам музея-заповедника. Обед в буфете музея (кормят там очень хорошо).

Ночуем в гостевом доме музея, либо в гостевом доме Ин-та пчеловодства (в этом случае экскурсия по Ин-ту вечером). Резервировать места нужно за месяц до экскурсии, заранее требуют и 100% оплату размещения.

На воскресенье:

Литературное чтения участников встречи (возможно).

15.00: Отъезд в Рязань. Ж/д экспресс на Москву в 17.02 с вокзала «Рязань-1». Остальные экспрессы: 7.50, 12.03, 13.07.

Автобусы на Москву с рязанского автовокзала на Московском шоссе каждый час, последний автобус на Москву в 19.00.

Если Вы едете не в Москву, тогда следите за расписанием Ваших поездов.

Стоимость участия в мероприятии составит 5000 рублей с человека с обедом и проживанием. Если Вы приезжаете в Рязань в пятницу утром, мы, по Вашему желанию, организуем экскурсию в рязанский Кремль и по другим памятным местам. Оплата этой экскурсии на месте – 350 р.

Заявки на участие и вопросы направлять по адресам e-vi@list.ru (Александр Тумов), lado_d@mail.ru (Диана Доронина).

Тел. +7905-255-29-11, +7911-969-21-62, +7920-954-73-46, +7901-481-18-16.

Количество участников встречи ограничено (не более 10 человек).

Приятно путешествовать своей компанией!

Рецензия на стихи Ольги Алтуховой

Не буду скрывать, что стихи О. Алтуховой мне довелось прочесть ещё до того, как комиссия подвела итоги конкурса «ПЕГАСИК-2009», на который они были представлены автором. Стихи запомнились, а их автор – сумел обратить на себя внимание. Чем же привлекают эти стихи? Наверное, их философским подтекстом, завершённою и оригинальною трактовки некоторых вполне обыденных природных явлений, в частности, например, ветра и дождя.

Читая стихи автора, я попробовала сама себе ответить на вопрос: «Интересно, они о настроении, эмоциях автора или их причинах? Наверное, они – и о том, и о другом». Впрочем, и сам автор задаёт себе этот вопрос, когда пишет: «...постой, так о чём я, о чём?...» Сама же и пытается на него ответить.

Мне показалось, например, что стихи не только о природе – солнце, ветре, дожде, сияющем небе и тёплой берёзе. Думаю, что они по большей части – и о человеке, человеке, который является частицей этой природы, и поэтому он мыслит и чувствует с ней в унисон. Ведь он, человек, как пишет автор, «навсегда обречён на эту гудящую зелень, где ветер...».

Впрочем, и дождь, и ветер, и солнце у автора вовсе не обыденные природные явления. Они, как и человек, могут иметь совершенно разное настроение (например, дождь может быть «усталым и молчаливым»). Также, по мнению автора, дожди бывают – «неслучайные и ясные», «усталые и молчаливые», «высокие и прохладные», а также – «нелепые и разные». Нелепый дождь, которого никто не ждёт, у автора – ведёт себя странно. Он «сбивается», «стучит в двери» и «прижимается» к грязному асфальту.

Впрочем, именно в этом неожиданном и «нелепом» дожде автор узнаёт себя. Может быть, в мечтах автор видит себя кем-то очень сильно непохожим на других?

А вот «усталые» дожди в стихах автора – как «сон». Наверное, потому, что уставший человек – засыпает. Тогда и дождь, и человек – это некие родственные души в мире природы?

«Высокие и прохладные» дожди у автора – это некая суть. Возможно, потому что слишком сложно порой нам постигнуть эту самую суть, всё время ускользающую от нас, и всегда поэтому – такую далёкую (высокую). Возможно, «суть» – это просто высокое понятие?

Стихи автора – оптимистичные. Она, например, не испытывает разочарования от такого явления, как «нелепый» дождь. Она – просто рада ему. Тогда как, возможно, «ждала усталых и молчаливых дождей», «ждала высоких и прохладных дождей». Не испытывать горести от несбывшихся надежд, – наверное, это и есть некий философский подход к жизни? А не разочаровываться, а радоваться жизни – это и есть «золотое правило» оптимиста?

В заключение хочется сказать, что приз достался автору вполне заслуженно, и пожелать О. Алтуховой дальнейших успехов – творческих и личных.

*Наталья Фёдорова.
Июль 2009 года*

*Стихотворения Ольги Алтуховой
читайте в рубрике «Детская
страничка» этого тома,
а также в 16-м томе и на диске-
приложении к 17-му тому.*

«Чистая философия» и «философия жизни» – понятия слишком разные?

Сознаюсь честно, что для меня, чистого технаря по образованию, писать рецензии на статьи, где упоминается, например, имя известного философа, – достаточно сложно. Действительно, что я могу в этом случае сказать такого занимательного и интересного многим? В лучшем случае – доходчиво пояснить читателю, что мне «понравилось – не понравилось», а в худшем – достаточно откровенно продемонстрировать своё незнание предмета.

Несмотря на это, желание написать рецензию на «Мосты Мартина Хайдеггера» Сергея Земцова (см. 17-й том «МОСТА») у меня появилось. Причём возникло оно сразу же после прочтения первой строчки у автора: «Что есть истина? С течением времени теряешь веру...» Появилось такое желание написать рецензию, наверное, потому, что в этом я не могу с ним не согласиться. Действительно, возможно, что с течением лет «веру теряешь», поиск истины – затянулся на многие годы, а жить-то нужно. Причём, как говорят в таких случаях, жить здесь и сейчас, поскольку понятно, что ни другое время, ни другое пространство для тебя – уже не предусмотрены. Тогда и возникает порой этот мучающий душу вопрос. Причём, скорее всего, вовсе не в тривиальной его постановке: правильно или неправильно ты живёшь? Наверное, в большей степени интересует: как с этой проблемой справились другие?

Наверняка кто-то в поисках ответа на этот вопрос обращается к трудам философов, историков, мемуарам известных политиков. Можно ли в них найти нужный кому-то ответ? Наверное, можно. Впрочем, может быть, кому-то это и не удастся? Но и польза от такого чтения в этом случае несомненна. Человек читающий, наверное, скорее понимает, что он в этом мире не одинок. В том смысле, что он не

одинок в своих поисках как своей, так и вечной истины? Возможно, что постижение этого не самое главное? Важнее, на мой взгляд, последующее осознание факта: «философия жизни» и «чистая философия», наверное, понятия в чём-то разные.

Отвлекусь от рецензии и приведу один пример. Как-то мне очень понравился текст одного молодого человека. Он на одном из философских форумов достаточно оригинально, на мой взгляд, высказался по проблематике, обсуждавшейся в рамках форума. Возможно, это были теории или просто-напросто – «игры разума». Прошло несколько лет. Мне довелось познакомиться с другим текстом этого же автора. Прочла его, и мне показалось, что по жизни всё оказалось, наверное, вовсе не так, как представлялось автору изначально. В итоге – тональность текстов совсем другая. Не будем здесь задавать себе набивший оскомину вопрос: «Кто виноват в этом?» Поскольку ответов на него у разных людей может быть много, и все они, ответы, возможно, будут далеки от истины.

Теперь о том, чем же мне понравилась публикация С. Земцова. Наверное, тем, что он не стесняется спорить с известным философом, а также тем, что его аргументы в этом споре – выверены его жизненным опытом. Действительно, мне кажется, что нет более грустного явления в литературе и публицистике, чем какая-то, порой неумеренная, аргументация своей точки зрения посредством вялого пережёвывания всем известных и прописных истин.

Резюме: в тексте Сергея Земцова, как мне кажется, аргументация вполне самостоятельная и, наверное, в каком-то смысле – она нестандартная. Это мне в его тексте и понравилось больше всего.

*Наталья Фёдорова.
2009 год*

**Дорогие авторы и читатели,
литературный клуб «Век
искусства» объявляет самый
интересный конкурс!**

Суть конкурса: надо найти в наших изданиях как можно больше «ляпов» и как можно интереснее прокомментировать их. Комментарий может быть простой репликой, а может быть маленьким психологическим или филологическим исследованием.

Каждый участник получает две оценки:
1) за количество найденных несурозностей, смешных мест, непредусмотренных автором смыслов и т.п.;
2) за содержательность комментария.

**Конкурс начался 1 июля 2009 года.
Заканчивается 1 декабря 2009 года.**

Приз победителю – годовая подписка на соответствующий журнал или книги.

То есть конкурсов на самом деле три: по журналу «Край городов»; по альманаху «МОСТ»; по нашим отдельным (непериодическим) изданиям.

Легче всего участвовать нашим авторам. Журналы у них уже есть.

Поле для поиска большое. Кроме журналов, ежегодно мы выпускаем 3-5 отдельных книг объемом 100-250 страниц каждая.

Победитель по книгам будет целый год получать наши книги, а среди них каждый год есть необычные, остроинтересные и уникальные.

В конкурсе могут участвовать жители России.

Ошибки ищите в наших изданиях НА БУМАГЕ, а не на сайте. На сайте тексты размещаются в основном лишь для сверки состава томов. Тексты на сайте могут быть не вычитаны. Для печати у нас две читки и корректура. Вы должны указывать номер тома, год его выпуска, автора, страницу, на которой нашли «ляп».

У кого сейчас нет журналов для поиска «ляпов» – мы вышлем их в любом количестве:

- «Край городов» по 40 рублей штука (+ 50 рублей за пересылку);
- «МОСТ» по 50 рублей штука (+ 50 рублей за пересылку);
- книги – по 250 (с учётом доставки). (Эти условия действуют только для тех, кто живёт на территории России).

Найденные самые интересные «ашипки» мы ВЫБОРОЧНО отражаем на наших Интернет-страничках на «Стихи.ру», «Проза.ру», «Вконтакте.ру». И на нашем сайте: <http://artage7.4sql.net/>

Дорогие участники, пожалуйста, учитывайте, что при учёте количества найденных «ляпов» мы пользуемся субъективным критерием. То есть «вашёл» вместо «вошёл» или найденная неинтересная опечатка – не засчитывается. Пример «хорошего» «ляпа» – это голубь из рассказа Куприна, который нёс письмо в зубах.

Для победы вовсе не обязательно вычитывать большое число журналов.

Вы можете сделать интересное литературное произведение по поводу произведений лишь из одного журнала или книги. Кстати, само тотальное употребление слова «произведение» стилистически неверно. Ошибки есть везде: даже у самых авторитетных издателей и у самых классических классиков. Ошибок не может не быть, они там есть!

**Заявку на участие в конкурсе с указанием Ваших имени и города проживания, вопросы и найденные «ляпы» присылайте, пожалуйста, кураторам конкурса:
e-vi@list.ru (Александр Титов, главный редактор журнала «Край городов»);
lado_d@mail.ru (Диана Доронина, главный редактор альманаха «МОСТ»).**

Также участвуйте в языковой викторине, все задания в 16-м томе «МОСТА».

«38-я параллель»

Фильмы корейских режиссёров драматичны. Но слёзы на глазах вызывают не умильные любовные сцены, а выстрелы из всех видов оружия; биение по щекам (национальная особенность корейцев); несчастные женщины-героини; мужчины-герои, потерявшие почву под ногами, жену, детей.

И вот сегодня (15 ноября 2007 земного года) я посмотрела ещё один корейский фильм – «38-я параллель». Его режиссёр – Канг Че Гю.

Вот два брата, которых внезапно из мирной жизни вырывают жёсткие лапы гражданской войны – Северной Кореи с Южной Кореей (братья из Южной) в 50-е годы XX века. Коммунисты и капиталисты, до которых братьям и их семье дела никакого не было. Они были настолько далеки от политики, что толком и не знали, что происходит в стране. Старший брат собирался жениться, на младшего вся семья возлагала большие надежды, проча ему будущее образованного, учёного человека. Тот, что собирался жениться, содержал семью, в которой кроме них с братом были ещё и другие дети, отец умер, мать немела, с ними же жила и его невеста, и все они были вполне счастливы, все любили друг друга и друг в друге нуждались. И вот на тебе – братьев схватили на улице и увезли воевать.

Психология старшего брата: младшего надо во что бы то ни стало сберечь, ведь все так много ждали от него, он должен попасть домой, поступить в университет, он сам из-за этого бросил школу, пошёл работать, так пусть брат станет не простым рабочим человеком, а войдёт в ряды интеллектуальной элиты.

Психология младшего: он ещё настолько юн, что просто ошарашен фактом, что его, опекаемого и лелеяемого с детства, со школьной скамьи выталкивают в жуткую военную реальность.

Оба брата представляются мягкими, спокойными людьми. Но впоследствии обнаруживается, что более стойкий по характеру младший брат, он более выдержан, восприятие событий у него более хладнокровное. И он видит, что происходит со старшим братом: тот рвётся в атаку, выслушивается, потому что ему обещали отправить брата домой. Младшему такая опека не по душе, а потом она и вовсе становится поперёк горла. Просто есть судьба, удача – как повезёт и сложится, так оно и будет, не надо пытаться выгородить кого-то, жертвуя собой.

Младший проходит хорошую воспитательную школу на фоне постоянных батальных сцен. Он становится мужественнее и мудрее. Старший постепенно ломается, зарабатывая награды, но блюдет цель спасения младшего.

Мы видим, что цель эта – иллюзия. Риск своей жизнью – сублимация. Он – не герой, и это его делает жестоким. Он теряет почву под ногами. Он уже нереален сам. Слабость его нервной системы – бить, бить и бить без разбора. Лицо человека утрачивается. Это хорошо видно из сцены, когда младший брат пошёл выручать старшего в стан коммунистов.

Дело в том, что оба попали в Сеул на короткое время, а там родственники. Младший (он, кстати, более открытый, не боится проявлять чувства) сразу побежал их проведать – маму, сестёр и братьев, невесту брата. И пока он там был, пришли за девушкой брата, потому что она ставила подписи за коммунистов, ходила на митинги в их поддержку. Но она это делала ради детей, ведь коммунисты за участие в акциях выдавали крупну, она очень рисковала, и вот – арест. Заодно повязали и младшего брата: вдруг он вражеский разведчик? Девушку привезли на расстрел, а тут подоспел и старший брат, он вступил в переговоры, но его никто не слушал, развязалась перестрелка, его невесту уби-

ли. У него в голове не укладывается – убили свои же. Те, которые лишили женщин мужской заботы и помощи. Ему кажется, что это он виноват, что цели-то он не достиг – младший брат всё ещё на войне. Получается, что он защищал брата, тогда как женщины оказались совсем одни в жёстких условиях выживания. А потом ещё добавляется и то, что пленных, среди которых был младший брат, решили сжечь живьём опять же свои, а он снова его не спас. И он решил перейти на сторону коммунистов. Личное перемешалось с чужеродным, это стало таким страшным мутантом, мозги уже опустошены, он уже забыл, что есть ещё мать, братишки и сестрёнки.

А младший брат не погиб, ему удалось спастись. Потом он узнал, что его старший брат перешёл на сторону коммунистов. Он хотел отказаться от него, не мог простить жестокости по отношению к родным, к друзьям, к солдатам. Не мог простить ему стремления к единственной цели – беспринципного зарабатывания наград и похвалы ради того, чтобы его младшего брата отпустили домой. Но тут к нему попало письмо, которое старший брат написал семье и о котором молчал, поскольку всегда стеснялся своих чувств. Честно сказать, таких людей всегда жалеешь.

И младший брат решил вернуть старшего брата. И когда они встретились на поле боя, брат его не узнал, потому что остервенело дрался, и всё равно не мог уйти от себя, от осознания, что с самого начала всё сделал не так, а теперь поздно что-либо предпринимать, остаётся только сражаться с воображаемым врагом в самом себе, перенося эти качества на корейцев с Юга. И казалось, что он растерзает того, кого поставил целью спасти во что бы то ни стало. Младший брат долго кричит ему, приводя его в чувство, выводя его из транса, взывая к разуму. На миг старший брат обретает реальность. Но, видимо, чувствует: что потерял, того не вернуть. Зато он может отправить младшего

брата обратно и пообещать ему вернуться.

Но возвращение старшего брата осуществляется только через пятьдесят лет. И это его останки.

А младший брат прожил долгую жизнь, воспитал детей, воспитывает внуков. Он оправдал надежды родных. И он тоже ощущает вину и несёт ответственность за те военные годы. Он понимает, что их с братом поведение было неправильным: они поддались на манипуляции тех, для кого они пушечное мясо – не более. Но ещё он осознал и то, что человек имеет право выбора, и его старший брат в том числе.

История обыкновенная. По-корейски сентиментальная и прямолинейная. Мирной жизни там показано совсем мало. Почти весь сюжет – деградация и становление личности на фоне дурацкой войны. Война каждого отдельно взятого человека с самим собой. Только во вторую очередь – идеологически-гражданская. Корейцам удалось показать всю бессмысленность войны в целом. Конечно, мысли о Великой Отечественной мелькают при просмотре. Ровно то же самое, но наши режиссёры снимали это как-то героически в советское время, а современные фильмы про войну я не могу смотреть – получается настолько плохо. А этот корейский фильм про суть войн вообще. Чётко просматривается глупость людей, соглашающихся воевать, подверженных массовому заблуждению – что это нужно им самим, что так они спасают страну, семью, любимых. Впустую потраченное время можно было бы пустить на созидание. Плачевен результат...

Диана Доронина

Содержание

НАШИ НОВОСТИ.	3
ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА	
Ольга Алтухова.	4
Ирина Клинова.	6
Никита Печень.	11
ДРАМАТУРГИЯ	
Эмиль Котлярский.	12
ЗА ГРАНЬЮ	
Оксана Койсина.	36
	
Дина Зимина.	38
	
Надежда [Лора Леандерс] Плахута.	40
Ирина Стоцкая.	46
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. УГОЛ ЗРЕНИЯ	
Лада Григорьева.	49
МЕГАПОЛИС	
Виктор Гришин.	50
Валентин Новиков.	54
МЕТАМОРФОЗЫ	
Стас Быков.	60
Дмитрий Свентицкий.	63
МИРОВОЗЗРЕНИЕ	
Сергей Земцов.	65
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ	
Олег Лаврентьев.	77
СТИХИЯ – ПЕТЕРБУРГ	
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСИИ. КОНСТАНТИНОВО.	78
РЕЦЕНЗИИ	
Наталия Фёдорова. О творчестве О. Алтуховой и С. Земцова.	79
САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ КОНКУРС!!!	81
СЛОВО РЕДАКТОРУ	
Диана Доронина «38-я параллель».	82